

ВѢСТНИК КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ЗАГРАНИЧНЫХ ГРУПП
КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ.

№ 1

Февраль

1925 г.

Задачи журнала.

Как общественному течению, нам приходилось выступать до сих пор на литературной аренѣ почти исключительно своими сборниками «Крестьянской России».

Появившись в 1922 г., сборники имѣли своей задачей идти навстрѣчу назрѣвшей внутри Россіи потребности в разработкѣ и освѣщеніи вопросов, которые встали перед русскими группировками, взявшими на себя почин создания широкой политической организациі трудового крестьянства.

Благодаря программѣ, которая была положена с самаго начала в основу сборников «Крестьянской России», они, будучи не специальным или партійным изданіем, а органом направленія, не могли удѣлить в достаточной степени вниманія разработкѣ ряда коренных вопросов теоретическаго и практическаго характера, непосредственно связанных с политическим движеніем крестьянства.

А между тѣм потребность в освѣщеніи этого рода вопросов ощущалась с теченіем времени сильнѣе и сильнѣе.

Особенно настоятельной она стала к моменту, когда направленіе, выдвинутое на страницах сборников «Крестьянской России», нашло достаточно широкій отклик в средѣ политической эмиграціи и из ея рядов стали формироваться группы сторонников, объединенных нынѣ в

единую заграничную организацию «Крестьянской России».

Внутренняя жизнь организациі, ведущаяся в ея нѣдрах разработка вопросов, которые ставит окружающая жизнь и, в особенности, перспектива участія в судьбах родины, стремленіе к систематизациі взглядов в области теоріи и практики, все это неотложно требует своего литературнаго отраженія.

Изданіем «Вѣстника Крестьянской России» мы рассчитываем пойти навстрѣчу вышесказанной потребности.

Как дополнение к сборникам «Крестьянской России», которые будут выходить в прежней программѣ, «Вѣстник Крестьянской России» будет посвящен разработкѣ прежде всего идеологически - программных и тактически - организационных вопросов, которые, во всей своей совокупности, должны составлять основныя особенности политической партіи трудового крестьянства.

В журналѣ найдут также мѣсто статьи, в которых дается отклик на тѣ или иные животрепещущіе вопросы текущей жизни и, наконец, информационный отдѣл, гдѣ мы рассчитываем давать в видѣ сжатых обзоров фактическій матеріал из области русской и заграничной жизни, который представляет интерес с точки зрѣнія задач, преслѣдуемых журналом.

Так как «Вѣстник Крестьянской России» рассчитан на болѣе или менѣе опредѣленный круг читателей — главным образом, на членов «Крестьянской России»

и лиц сочувствующих, то это обстоятельство не может не наложить на него особого отпечатка в смыслѣ выбора тем и способов трактовки их, приближая в известной степени журнал к изданіям партійнаго характера.

Таковы, вкратцѣ, задачи и общій облик предлагаемаго вниманію читателей «Вѣстника».

Нам остается в заключеніе напомнить членам «Крестьянской Россіи» и вообще всѣм читателям - друзьям об одном важном условіи: успѣх журнала, в смыслѣ выполненія принятых на себя задач, будет в значительной степени зависѣть от их активнаго участія; мы увѣрены, что они будут считать изданіе журнала своим дѣлом и поддержат его сотрудничеством, живой связью с редакціей, своими указаніями, критикой и т. п.

„Крестьянская Россія“.

Основы нашей идеологіи, нашей программы, принципы нашей тактики и руководящія организационныя начала — таково содержание очерков, открывающихся этой статьёй. Стѣсненные мѣстом, мы должны писать очень сжато. Приходится по преимуществу лишь выставлять положенія и только изрѣдка доказывать их. Статьи от этого будут затруднены в чтеніи и трудны в писаніи, но иного выхода у нас нѣтъ.

I.

Россія — наша первая мысль и первое слово. Россія — наш «дом» и он безконечно ближе «міра». Ея интересы для нас верховны и постоянны. Им подчиняем все и всегда; их — ничему и никогда. Интересы Россіи — в благѣ ея народов. Блага послѣдних — в ростѣ их матеріальной, духовной и общественной культуры. Наша задача — основная среди основных — содѣйствовать росту этой культуры.

Мы — національны. Но не националистичны. Несходство тут огромно: «Различіе между національностью и национализмом такое же, как между личностью и эгоизмом» (Вл. Соловьев).

Отгораживаемся и в другую сторону: мы не отказываемся от общечеловѣческаго — от признанія его, от интереса к нему и от участія в нем. Полагаем, однако, что общечеловѣческому прогрессу мы послужим тѣм вѣрнѣй и успѣшнѣй, чѣм полнѣй и откровеннѣй отдадим свои думы и силы устроенію нашей собственной Родины. С интернаціональными интересами и потребностями, в силу их неизбежной и напряженной связи с жизнью Россіи, мы хотим и будем внимательно считаться, но ни в коем случаѣ не руководствоваться ими.

Наше второе слово — крестьянство. Так называем ту общественную группу, доход которой полностью или в большей части получается в ея собственных земледѣльческих хозяйствах, ведущих трудом владѣльца и его семьи*). Крестьянство — фундамент Россіи. Больше: оно — почва, на которой стоит и соками которой питается вся общественная жизнь страны. Размѣръ народнаго и государственнаго доходов, развитіе промышленности и парового транспорта, состояніе арміи, прочность государства и общественных отношеній — все зависит в Россіи прежде всего и больше всего от хозяйственнаго, культурнаго и правоваго положенія крестьянства**). Укрѣпить и поднять крестьянство — значит укрѣпить и поднять Россію. И наоборот: строя Россію, необходимо энергично и заботливо строить ея деревню. Это признавал даже Витте: «Вся будущность русской земли, вся исторія — настоящая и будущая — Россіи связана, если не исключительно, то, главным образом, с интересами, бытом и культурой крестьянства».

Так, отправляясь от Россіи в дѣлом, приходим к ея крестьянству. Интересы послѣдняго, совпадающіе с интересами всей страны и всего государства, требуют созданія и дѣятельности крестьянской политической партіи. Почему?

*) Крестьянами в этом социальном-экономическом смыслѣ являются и казаки, и сельскохозяйственное населеніе всѣх осѣдлых народов Россіи, и ея кочевые народцы.

**) См. доказательства в моей статьѣ «Возрожденіе Россіи и крестьянство». (Сборник «Крестьянская Россія» № II—III).

В современном обществѣ идет тяжба между интересами различных групп — пока неизбывная и напряженная. Существуют общественные классы с их враждой и борьбой, с побѣдами одних и угнетением других. Самостоятельным классом является и крестьянство. Оно не растворяется ни в «трудовом народѣ» социалистов-революціонеров и народных социалистов, ни в «мелкой буржуазіи» социал-демократов, ни во «всем народѣ» либералов*). В идущих столкновениях классов у крестьянства имѣется поэтому свое особое мѣсто, свои собственные интересы и своя судьба. Последняя до сих пор складывалась незадачливо: распыленное, темное, безправное и нищее крестьянство неизмѣнно оказывалось побѣжденным и угнетаемым. А это вело к новому ухудшению и без того тяжелого положенія деревни. Отсюда происходила и слабость государства: подорванный фундамент и в мирные годы еле-еле выдерживал его огромную тяжесть, а когда разражались войны и тяжесть государственнаго зданія возрастала, фундамент отказывался служить и государство начинало шататься. Страшных испытаній великой войны наше государство не выдержало и отсюда родились страшныя слѣдствія.

Несоответствіе между объективным значеніем крестьянства и его дѣйствительным положеніем было великой бѣдой в жизни нашей Родины. Существует, даже в обостренной формѣ, она и теперь. Избѣжать ея продолженія и в послѣбольшевицком будущем можно лишь постоянным и сильным представительством крестьянских интересов и нужд в политикѣ государства. Путь тут один: политическая организациа крестьянства.

Значеніе крестьянской партіи в Россіи усиливается и новым обстоятельством. Россія до сих пор не имѣла руководящаго центра. Сильными у нея были лишь фланги: лѣвый с его гибельным для государства максимализмом в цѣлях и

средствах, и правый с его стремленіем «подморозить» Россію и остановить ея политическій рост. Партіи центра были слабы, так как слабой была их социальная опора — буржуазный класс. Последній будет неизбѣжно расти, но в близком будущем он не может усилиться настолько, чтобы стать ведущею политической силою. Последняя роль возможна только для организованнаго крестьянства.

Деревня Россіи в пору напряженной борьбы за землю была революціонной и питала лѣвый политическій фланг. Последнѣ конца этой борьбы и в условіях демократическаго строя, крестьянство может обладать лишь такими интересами и задачами, которыя требуют спокойнаго и поступательнаго хода государственной жизни. Тѣм самым оно пріобрѣтает способность и возможность стать руководящею строительной силою. Принять дѣятельное участіе в переходѣ этой возможности в дѣйствительность — наша задача, которая диктуется нашим пониманіем интересов Россіи и нашим стремленіем к участію в устроеніи ея.

Участіе в политической партіи россійскаго крестьянства в будущем и в ея начальных элементах теперь мы считаем для себя тѣм болѣе обязательным, что эта партія не только желательное, но и неизбѣжное. Условія для нея и даже элементы ея уже существуют в Россіи. Элементы не только психологическіе, но и организационные, причем послѣдніе создались не только среди интеллигенціи, но и в крестьянствѣ, а среди послѣдняго они из умственных «верхов» глубоко просочились и в нижніе, болѣе широкіе слои.

Существуют общія причины, которыя привели крестьянство в пятнадцати государствах современной Европы к созданію своих собственных партійных образований. В Россіи эти общія причины значительно усилены политикой большевиков, центральным фактом в которой было и будет паразитарное питаніе промышленности, транспорта, городов и государства за счет скудных доходов деревни, а также правовое, политическое и культурное угнетеніе послѣдней. Усиленные причины вызовут и усиленные

*) См. доказательства в моей статьѣ «К вопросу об общественном положеніи крестьянства». (Сборники «Крест. Россія» №№ V—VI и VII).

слѣдствія и в освобожденной от «рабоче-крестьянской» власти Россіи политическое движеніе среди крестьянства будет болѣе широким и ярким, чѣм в любой из стран, в которых уже создались открытыя политическія группировки крестьян.

Крестьянская партія Россіи при таких условіях не может не обладать крупным общегосударственным значеніем. Она не может не быть активной во всѣх вопросах и сторонах государственной жизни. Сдѣлать ея роль возможно болѣе положительной, а ея программу возможно болѣе продуманной и творческой не может не быть задачей политически активной интеллигенціи, желающей дѣятельно и вліятельно участвовать в строительствѣ Родины.

Духом напряженных общественных исканій и пафосом творчества новых и лучших форм общественной жизни хотѣли бы мы напитать жизнь и работу крестьянской партіи Россіи.

Исканія и творчество свойственны каждой политической партіи. Каждая из них имѣет перед собою общественныя отношенія, которыя партія пытается регулировать и, соотвѣтственно со всѣми представленіями об истинном, полезном и справедливом, мѣнять и улучшать. Большинство политических партій ограничивается при этом воздѣйствіем через государство, которым партіи управляют. Это вліяніе сильно, но недостаточно.

В подлинной жизни непрерывно идут напряженные процессы стихійнаго созиданія новых общественных отношеній и новых форм общественной жизни. Они текут помимо государства и часто вопреки ему. Религіозная и національная жизнь, профессиональное, кооперативное и политическое движенія, просвѣтительная и разнообразная общественно-воспитательная дѣятельность, осуществляемая по частному и общественному почину, новые приемы и формы хозяйствованія, новый уклад семейных отношеній — вот безмѣрно-важныя формы внѣ государственнаго творчества населенія. Усилить напряжение в этом самодѣятельном творствѣ, обогатить его новыми формами и задачами,

направить его по наиболѣе выгодному руслу — вот безконечно-большая и безмѣрно-плодотворная задача политической партіи, наряду с ея воздѣйствіем на жизнь и политику государства.

Невозможно втѣснить всѣ проявленія общественнаго творчества в узкія рамки партійной организациі; соотвѣтственныя попытки были бы прямо вредны: для разных задач необходимы и различныя организациі; но дѣятельное и вліятельное участіе партіи во всѣх их — возможно и необходимо. Плодотворным оно, однако, будет лишь в том случаѣ, когда партія выработает свой широкій общественный идеал и опредѣлит, как дороги ст реальной жизни к нему, так и способы своего дѣйствованія на этих путях.

Наш общественный идеал — всеобщая и всесторонняя свобода человѣческой личности. Всесторонняя свобода складывается из свободы матеріальной или хозяйственной, свободы общественной и свободы духовной. Первая создается освобожденіем человѣка из под гнета сил природы, путем покоренія их человѣку. Вторая дается увеличеніем широты и гибкости общественных форм и уменьшеніем стѣсненій, налагаемых ими на живую личность. Выработкой истиннаго, жизнедѣятельнаго и жизнерадостнаго міросозерцанія обеспечивается свобода третья. Свобода всеобщая означает равную свободу всѣх людей, живущих на землѣ; она — равнозначна всеобщему равенству. Полная свобода и полное равенство людей приводят к мысли о едином всечеловѣческом обществѣ свободных и равных людей. Мы уже указали: наш путь к такому обществу лежит через устройство своей собственной Родины.

Наш идеал полностью не осуществим. Возможно лишь безконечное приближеніе к нему. Всеобъемлющей и всеобщей свободы не будет никогда, но был, есть и будет не знающій конца процесс разносторонняго освобожденія человѣка. Каждый новый шаг вперед на этой дорогѣ, каждое новое достиженіе на путях к идеалу имѣют самостоятельную и одинаковую цѣнность. Жизнь и работа каждаго поколѣнія и каждой эпохи с

их задачами освобожденія челоуѣка — одинаково высоки и святы, как бы ни были различны эти задачи, зависящія от различій в исторической обстановкѣ *).

В вопросѣ о путях к общественному идеалу искони борются два направленія общественной мысли и два волевых устремленія. Одно из них отдает все вниманіе общественным институтам. Перемѣнив их велѣніем и силой государства, надѣются достичь разносторонних и глубоких перемѣн в содержаніи общественной жизни. По этому представленію, если замѣнить частную собственность на средства, при помощи которых хозяйствует современный челоуѣк, безличной собственностью всѣх (соціализація), собственностью государства (націонализація), органов самоуправленія (муниципализація), то общественная жизнь будет избавлена от всѣх зол и наступит «царство свободы».

По другому представленію, общественные институты не причина, а слѣдствіе. Подлинная причина коренится во всѣх свойствах и особенностях населенія: в содержаніи, объемѣ и результатах его хозяйственной дѣятельности, в его знаніях, духовной одаренности, пониманіи, в его общественных навыках, в способности к организаціи и т. д. Существующій строй общественных отношеній, по этому взгляду, не порожденіе злой или доброй воли лиц или групп. Он — стихійное слѣдствіе свойств или особенностей населенія. По этому представленію, и «буржуазія не создала существующаго порядка вещей; она не творец его, а невольное произведеніе» (Лассаль).

Нам гораздо ближе вторая точка зрѣнія и общественную теорему Спенсера мы принимаем почти полностью: «Свойства всякой общественной организаціи опредѣляются свойствами лиц, ее составляющих».

Строй общественных отношеній в каждый данный историческій момент, если разумѣть под ним хотя бы жизнь одного поколѣнія, находится почти в полном

соотвѣтствіи со свойствами и особенностями населенія. Нельзя поэтому по произволу кроить и передѣлывать общественные институты. Грандіозный общественный опыт, продѣланный большевиками, дѣлает эту мысль безспорной: насильственное разрушеніе ими народнаго хозяйства, основаннаго на частной инициативѣ и свободѣ хозяйственных отношеній и попытка принужденіем создать на его мѣстѣ новый хозяйственный строй, руководимый государством, привели к паденію производительных сил, ко всеобщей нищетѣ, к небывалому расцвѣту полицейских способов управленія и к общественному гнету, граничащему с рабством. Вмѣсто улучшеній, во всѣх сторонах жизни создались тягчайшія ухудшенія. В итогѣ — власть, упираясь и колеблясь, должна была начать возстановленіе учрежденій и отношеній, которыя она разрушила.

Общественныя отношенія и институты дѣйствительно, а не по внѣшности только, с пользой и надолго, а не во вред и временно, могут мѣняться лишь в зависимости от перемѣн в свойствах людей. Существует, конечно, и обратная зависимость: общественные институты приспосабливают к себѣ населеніе. Эту зависимость нельзя забыть, она должна быть учтена, но ей принадлежит гораздо меньшее значеніе, чѣм зависимости прямой. Меньшее потому, что, во-первых, весьма ограничены предѣлы возможных реформ, если онѣ направлены непосредственно на институты; во-вторых, ограничены средства реформатора, поскольку он не прибѣгает к воздѣйствію на свойства населенія, ибо большинство общественных перемѣн происходит стихійно, внѣ усилій и желаній государства.

Все это заставляет придавать образованію и воспитанію челоуѣческой личности гораздо большее значеніе, чѣм это дѣлалось до сих пор. Дѣятельность, направленная на культуру челоуѣка, как гражданина, как хозяйствующаго существа, как семьянина, как личности вообще, должна приобрести новую безконечно большую, чѣм до сих пор, важность.

Культура челоуѣка, как условіе и причина общественных преобразованій

*) См. развитіе и доказательство этих положеній об идеалѣ в книгѣ П. И. Новгородцева «Об общественном идеалѣ».

— это центральный пункт в идеологии и программѣ крестьянской партіи. У крестьянской больше, чѣм у всякой другой, ибо личность крестьянина болѣе автономна, свободна и особенностями социально-экономическаго положенія лучше оборудована для многообразнаго творчества, чѣм участник других общественных групп. Разбудить массоваго человѣка для исканій и творчества, снабдить его необходимыми знаніями и пониманіем, направить его творчество в сторону полезнаго и справедливаго — это задача, огромная в своей плодотворности, но также и в трудности.

Во имя чего слѣдует будить массоваго человѣка и в каком направленіи звать его? Во имя и в направленіи общественнаго идеала, указаннаго выше. Идеал, однако, безконечен, неизмѣнен и чрезмѣрно общ, чтобы руководствоваться только им. Он требует вспомогательных указаній. Первым и важнѣйшим среди них являются интересы и нужды труда.

Труд человѣка является неотъемлемым свойством человѣческой личности. Больше того: он — главное проявленіе ея. Он — в то же время и главная строительная сила в общественной жизни. Разностороннее освобожденіе человѣческой личности, требуемое общественным идеалом, является потому прежде всего освобожденіем труда от сил и условій, угнетающих его. Главнѣйшими среди послѣдних являются низкая производительность труда, зависящая от недостаточнаго подчиненія сил природы и плохой организаціи труда, и неравное общественное распределеніе народнаго дохода. Преодоленіе этих причин, угнетающих труд и, слѣдовательно, человѣческую личность, является служеніем общественному идеалу.

Когда мы говорим о трудѣ, то разумѣем под ним не только труд и сполнительный: существует и обладает огромным значеніем еще труд инициативный и труд организаторов. Работа технических изобрѣтателей и авторов научных открытій является примѣром инициативнаго труда. Дѣятельность организаторов транспорта, «капитанов» и «вождей» промышленности, ру-

ководителей общественных служб дает случаи труда организаціоннаго. Эдиссон и Бурбенк *) в современной Америкѣ — яркіе носители перваго вида труда, Генри Форд — извѣстный представитель втораго. В этой весьма важной поправкѣ к обычному пониманію труда видим вполне достаточное основаніе, чтобы далеко отойти от прямолинейно-отрицательнаго отношенія к существующему капиталистическому строю: в наше время, при существующих свойствах и особенностях населенія, только он обеспечивает обществу полученіе достаточнаго количества и в нужных качествах труда инициаторов и организаторов.

Существующій общественный строй — не вѣчен. Он непрерывно и неотвратно мѣняется. Он, поэтому, также преходящ, как и смѣненные им. В нем много общественно-невыгодных и несправедливых сторон, ибо эксплуатація человѣка человѣком для него типична. Он требует и заслуживает дѣятельных усилій, необходимых для его творческаго преобразования в направленіи больших прав, лучшей и болѣе равномѣрной матеріальной обеспеченности и большей свободы для личности трудящагося человѣка. Пока, однако, существующій строй и неизбежен и полезен — до тѣх пор, пока населеніе в процессѣ стихійно-складывающейся общественной эволюціи и в результатѣ сознательных усилій отдѣльных лиц и групп не поднимется в своих личных и общественных свойствах выше и не сумѣет обезпечить себѣ необходимый труд, во всѣх трех видах его, иными, новыми способами, болѣе ответственными идеям человѣческаго достоинства и этическаго равноправія людей.

Каким новым строем смѣнится существующій? Мы не знаем. Будущее — невѣдомо: невозможно пока ни рассчитать его, ни предугадать. Распространенной формѣ, в которую хотят отлить будущее, — социализму, невозможно, поэтому, не ломая и не ухудшая общественную жизнь, не задерживая ея по-

*) Бурбенк — замѣчательный американскій творец растений с новыми свойствами. По значенію американцы приравнивают его к Эдиссону.

ступательнаго хода, подчинить подлинную жизнь текущаго историческаго дня. Творческія исканія иных и лучших форм общественнаго уклада нравственно - обязательны и неизбѣжны, но к чему приведут они, к каким новым берегам, к какому строю — это невѣдомо.

Необходимо сочетаніе идеализма с реализмом в этих исканіях — идеализма в цѣлях, реализма в средствах. Стремясь к лучшему, руководясь требованіями общественнаго идеала с его вспомогательным показателем, необходимо исходить из очевидных общественных нужд и откликаться на них средствами, имѣющимися в распоряженіи сегодняшняго дня и хорошо взвѣшенными.

Интересы и права труда, если мы будем держаться в предѣлах народнаго хозяйства, не могут быть сведены только к распредѣлительным, только к равенству в разверсткѣ народнаго дохода, хотя под знаком именно этого стремленія и проходят современныя общественныя движенія — профессиональное и социалистическое. Интересы труда шире — они захватывают и область производства. Увеличить количество матеріальных благ, находящихся в распоряженіи общества, уменьшить время и человеческія силы, необходимыя для их созданія — это не меньшая, а большая задача общественно - творческих исканій. Если она вступает в противорѣчіе с первой, преимущество должно быть отдано ей — интересам производства, а не интересам распредѣленія. Если частная собственность на землю выгоднѣй для полнокровія народнаго хозяйства, чѣм социализація или націонализація земли, то должна быть введена она, хотя бы равенство распредѣленія от этого и пострадало. Точно также, если частное предпринимательство способно обезпечить болѣе высокое состояніе производительных сил в промышленности, чѣм хозяйство государства, предпочтеніе должно быть отдано первому, а не государству, хотя при этом предприниматель и будет получать свои прибыли.

Новый и лучший общественный строй возникнет или как строй с повышенной производительностью труда и с болѣе

полным использованием сил природы или он не возникнет вовсе. Борьба за лучшей строй не может не быть поэтому одновременно и борьбой не только за равенство в распредѣленіи дохода, но и за болѣе высокое состояніе производительных сил. Эта двойная задача поддается рѣшенію. В сельском хозяйствѣ она в значительной мѣрѣ уже рѣшена с появленіем и могучим расцвѣтом сельскаго кооперативнаго движенія.

Примѣръ кооперативнаго движенія показывает и на новое обстоятельство, расходящееся с распространенным социалистическим упованіем на классовую борьбу и надеждами, что именно благодаря ей будет создан «новый міръ».

Если классовая борьба пока неустрашимый факт, если она даже полезна, как способ сдержки для аппетитов современных хозяев жизни, то она вовсе не творец новых форм жизни. Послѣднія создаются не борьбой, а положительным творчеством классов, их способностью и конструировать новыя общественныя отношенія и институты, и осуществлять их. Эти способности создаются только реальной практикой отвѣтственнаго участія в ходѣ современной жизни; подлинное строительство новаго получается не в результатѣ чудесных скачков «из міра необходимости в царство свободы», а как слѣдствіе длительного и послѣдовательнаго востанія элементов новаго общественнаго уклада в существующей. Человѣкъ, который вчера умѣл только стучать молотом или обтачивать металл, завтра не сумѣет стать руководителем крупнаго предпріянія. Точно также фабрика, вчера работавшая, как частно - предпринимательская, завтра не сможет работать как социализированная. В обоих случаях между двумя положеніями должна лежать длинная цѣпь переходных состояній. Звенья этой цѣпи будут не крупными, а мелкими, и каждое послѣдующее звено будет появляться лишь послѣ того, как в опытѣ жизни предшествующее звено выдержит пробу и получит закалку.

Горячо желаем появленія новых форм общественной жизни — болѣе справедливых, болѣе человѣчных и одинаково одаряющих своими благами всѣ трудовыя

группы населенія. Однако, указываем, что появятся онѣ лишь в результатѣ пріобрѣтенія массами населенія новых, пока у них отсутствующих, способностей и свойств. А послѣднія могут создаться только в том случаѣ, когда идущая классовая борьба будет дополнена практикой творческаго и отвѣтственного участія в уже существующей жизни и политикой напряженной и разносторонней работы над культурой массовой человѣческой личности.

В этой строительной работѣ должны быть рѣшительно отброшены надежды на революціонные процессы и желаніе их. Они не способны создавать, они только разрушают. То, что в них кажется созидательным, является слѣдствіем предшествующих эволюціонных процессов. ибо только мелкіе и незамѣтные, но за то безчисленные и непрерывные молекулярные процессы являются подлинными «локомотивами исторіи». Революціи бывають неизбѣжными, когда эволюціонные процессы перестройки не имѣют путей для своего выхода и проявленія. Онѣ — удѣл государственных организмов, политически дурно устроенных. Когда этого нѣтъ, когда общественно-политическая жизнь так организована, что воля и мнѣніе, интересы и права населенія имѣют легальные пути для своего проявленія и вліянія, мы полностью отвергаем революціонные способы дѣйствія, как ничего не дающіе, но много отнимающіе.

В противоположность лицам, объявляющим себя революціонерами, мы — эволюціонисты по идеологіи и реформисты по мыслимой практической дѣятельности.

Итак: Россія — как единственное и неизмѣнное поле нашей дѣятельности; ея крестьянство — как группа російскаго населенія, устройство которой наиболѣе обеспечивает устройство Россіи: крестьянская политическая партія — как средство обеспечить интересы и права деревни; крестьянская политическая партія — как не только желательное, но и неизбѣжное в русской жизни; участіе не только в государственной жизни и работѣ, но и во

внѣгосударственных общественно-строительных процессах — как задача партіи; непрерывное, безконечное и разностороннее освобожденіе человѣческой личности — как постоянная идеальная цѣль партіи; культура человѣческой личности — как основная дорога к этой цѣли; интересы труда во всѣх его проявленіях — как дополнительное к идеалу регулятивное начало партійной программы и политики; признаніе преходящаго характера существующаго общественнаго строя и дѣятельныя усилія во имя его преобразованія, отказ теперь же опредѣлить строй будущій и под углом его интересов ломать и кроить реальную жизнь текущаго историческаго дня — как позиція партіи в вопросѣ об отношеніи к настоящему и будущему укладу общественной жизни; признаніе производственных интересов и задач первенствующими перед вопросами распределенія и стремленіе к одновременному и согласованному рѣшенію обѣих проблем — как позиція партіи в социально-экономических вопросах; низкая оцѣнка положительнаго значенія классовой борьбы и требованіе дополнить ее общественно-созидательной работой — как точка зрѣнія партіи в вопросѣ о путях к лучшему общественному будущему; и, наконец, признаніе эволюціонных процессов единственно строительными — как позиція партіи в тяжбѣ между революціонерами и реформистами — таковы основныя положенія нашей идеологіи. Идеально-общественныя исканія и реальное общественное творчество — таково наше основное устремленіе.

Какое отношеніе имѣют эти положенія к крестьянской партіи? Прямое и тѣсное, так как крестьянская партія в Россіи это не только партія крестьян, но и партія общегосударственнаго значенія, ибо она не может не быть партией общегосударственнаго устройства. А для такой партіи невозможно строить программу и тактику, не исходя из общих представлений. Дѣйственное значеніе сказаннаго в этой статьѣ мы надѣемся показать наглядно в слѣдующем очеркѣ — об основах нашей программы.

Сергѣй Маслов.

Внѣ рядов демократіи.

Многим представляется, что вопрос об объединеніи демократических сил, о коалиціи их, в теоретической и практической его постановкѣ, настолько ясен и прост, что нѣтъ надобности к нему возвращаться, а реальныя условія столь рѣдко ставят его на очередь, что то или иное рѣшеніе его представляет весьма относительный интерес.

Вряд ли можно согласиться с таким мнѣніем. Ниже мы увидим, что дѣло обстоит далеко не так просто.

Достаточно того, что споры о коалиціи не прекращаются и по сію пору, принимая подчас весьма острый характер и вскрывая многое, на что нельзя не обратить вниманія.

Когда идет рѣчь о коалиціи, о том или ином объединеніи сил, то предполагается, во-первых, извѣстная однородность этих сил, т. е. наличность в их намѣреніях, задачах, программах того общаго, на чем мыслим сговор и, во-вторых, та реальная цѣль, во имя которой совершается объединеніе. Чѣм больше этой общности и чѣм яснѣе цѣль, тѣм болѣе реальным и жизнеспособным становится само объединеніе.

Вступая в коалиціонную связь, договариваясь об общей цѣли и дѣйствіях, стороны связывают себя извѣстной дисциплиной, требующей прежде всего отказа от всего того в частных выступленіях, что может идти в разрѣз с общепринятым планом дѣйствій, нарушать взаимный договор.

Если мы обратимся к исторіи разнаго рода коалиціонных опытов, в особенности наиболѣе трудных и отвѣтственных, какими являются коалиціи политических партій, то увидим, насколько опромное значеніе имѣло для них это третье условіе, т. е. готовность и умѣніе согласовать свои партійные интересы с интересами общекоалиціонными, умѣніе, если нужно, самоограничиться во имя общей цѣли.

Не будет преувеличеніем сказать, что неудачи политических коалицій, или слабое развитіе их зависѣли в промадном большинствѣ случаев именно от указаннаго обстоятельства. Многое объяснимо неумѣлым поведеніем отвѣтственных органов, но всего чаще это лежит в самой *природѣ* партій, в характерѣ их задач и, главное, в степени государственности их: в способности подчинить не только на словах, но и на дѣлѣ интересы партіи интересам общегосударственным. Необходимо имѣть в виду, что то или иное отношеніе коалиціи часто вытекает не столько из тактической линіи, принятой какой-либо группировкой или партіей,

сколько из самаго существа ея идеологіи и программы.

Ниже, на примѣрѣ одной из таких группировок, мы увидим эту тѣсную зависимость, а сейчас перейдем непосредственно к темѣ настоящей статьи.

Наш взгляд на коалицію, как на чрезвычайно важное и положительное начало, вытекает из нашего представленія об основах государственно-общественной жизни, о взаимодействіи слагающих ее сил и о той конечной цѣли, которая, как маяк, должна указывать путь.

Борьба интересов частных, групповых, классовых, партійных и пр., которой пропитана повседневная общественная жизнь, не может заставить нас упустить из поля зрѣнія тѣ процессы творческой работы, которые рождаются не из борьбы, а из объединенія и сложенія сил.

Чѣм выше и сложнѣе общественная жизнь, чѣм выше ступень прогресса, на которую вступила она, а с нею и руководящія политическія силы, тѣм чаще и отчетливѣе сказывается роль этих процессов объединенія, коалированія и тѣм, с другой стороны, болѣзненнѣе отражается на государственном организмѣ еще не изжитые навыки прошлаго.

Факты жизни лучше всего свидѣлствуют об этом. Возьмем наше недавнее прошлое. Чѣм, как не отсутствіем прочнаго и широкаго объединенія государственно-зрѣлых, демократических сил, отсутствіем единаго демократическаго фронта, как ни малочислен он был вначалѣ, объясняется быстрый провал всѣх попыток спасти страну от большевицкой опасности? И чѣм, с другой стороны, как не этой незрѣлостью руководящих политических сил, можно объяснить невозможность тогдашняго их объединенія и созданія единаго фронта?

От прошлаго — к будущему. Если послѣ-большевицкая Россія представляется нам Россіей демократической (а другого выхода в нормальную жизнь ей не дано), то сам собою встает вопрос о задачах и поведеніи демократіи, которая эту Россію будет строить и при том строить в особо тяжких условіях, имѣя с двух сторон враждебныя силы.

И совершенно очевидно, что никакая отдѣльная партія или группировка не сумѣет взвалить на свои плечи, как бы могучи они ни были, это дѣло строительства и если даже захочет взвалить или взвалит, то ничего, кромѣ краха, ея не ждет. Только единство демократіи, только сговор всѣх, к тому моменту отвѣтственных, политических сил может обеспечить странѣ минимум не-

обходимых условий для дальнѣйшаго развитія.

Отсюда само собой вытекает важность укрѣпленія в рядах демократіи духа коалиціи и заблаговременнаго устраненія всего того, что может заставить ее снова явить міру свою разрозненность и свое безсиліе.

А ради этого вполне законна и необходима постоянная, настойчивая и систематическая пропаганда словом и дѣлом идеи единства демократіи и коалиціонных опытов в этом направленіи.

Вот почему «Крестьянской Россіи» приходилось неоднократно и по разным поводам выступать на защиту важности коалиціи и, в частности, за созданіе здѣсь, в эмиграціи, демократических объединеній, как для непосредственных задач, так и для перенесенія этого духа объединенія и объединительных планов в обстановку будущей Россіи.

В результатѣ довольно продолжительных усилий нам удалось встрѣтить сочувствіе в нѣкоторых демократических группировках за границей и вскорѣ на основѣ сговора их создано объединеніе, принявшее названіе «Респ. Дем. Союз». Нѣтъ надобности сейчас говорить о цѣлях и дѣятельности этого союза, ибо со всѣм этим читатель легко может познаться из періодическаго органа, издаваемаго союзом — «Свободная Россія» *).

Слѣдует лишь отмѣтить, что по многим причинам, среди которых немалую роль сыграла и недостаточность развитія коалиціоннаго духа, дѣятельность союза носит пока скромный характер. Скромный, но несомнѣнно весьма полезный с точки зрѣнія тѣх цѣлей, которыя ставит себѣ демократическая эмиграція, стремясь принять сильное участіе в дѣлѣ освобожденія родины. Для нас то обстоятельство, что союзу не удалось стать сразу широкой организацией, лишній раз подчеркивает нелегкость работы по объединенію в условіях эмигрантской жизни и вмѣстѣ с тѣм необходимость дальнѣйших, энергичных усилий в сторону той цѣли, ради которой задуман союз.

Справедливость требует отмѣтить, что за время своего весьма недолгого существованія союз встрѣтил достаточно много сочувствія и содѣйствія и приобрѣл не мало сторонников. На страницах его органа ширится сотрудничество лиц разнообразных направленій, хорошо понимающих возможность

объединенной противобольшевицкой пропаганды.

Уже оцѣнена работа союза и большевиками, которые принимают соответствующія мѣры, почувя опасность, ибо они, лучше чѣм кто-либо, понимают насколько выгодны для них распыленность и взаимная борьба демократических сил и насколько вредны всякія проявленія объединенности.

Нашелся в лагерѣ демократической эмиграціи один фланг, который им в этом направленіи оказывает неоцѣнимыя услуги. Фланг этот — лѣвое крыло заграничных эс-еров, издающих «Волю Россіи», «Револ. Россію» и выступающих от имени П. С. Р. Будучи принципиальными противниками объединенія социалистов с несоциалистами, имѣя соответствующее предписаніе от своего центра, эта группировка поставила себя давно в положеніе, при котором всякіе разговоры с ней об объединеніи, коалиціи и пр. сдѣлались бесполезными и сами собой прекратились. Группировка жила в славном одиночествѣ и мало давала знать о себѣ окружающему міру.

Но в послѣднее время в ея поведеніи обнаружилась необычайная агрессивность. Изолированность ли дает себя чувствовать или что другое, но г. лѣвые эс-еры из «Воли Россіи» начали боевую кампанію, открыв стрельбу по демократическому фронту эмиграціи, избрав центром обстрѣла Респ. Дем. Союз и организациі нынѣ его составляющей, т. е. «Крестьянскую Россію» и респ. дем. группу к. д. Во исполненіе этого, на страницах «Воли Россіи» начата серія соответствующих полемических статей, за подписью г. Сталинскаго и др. *).

Мы оставим до поры до времени без отвѣта многое в этой полемикѣ, что направлено непосредственно по нашему адресу и остановим вниманіе лишь на том, что относится к демократической коалиціи вообще и к опыту с ней, в видѣ Респ. Дем. Союза.

Но два слова о самом г. Сталинском. Это поможет до нѣкоторой степени понять характер его выступленій, его аргументацію, да и страстность его пера.

Особенной страстью дышет это перо, когда Сталинскій разоблачает кого-либо в прошлых прѣхах, в перемѣнѣ убѣжденій, программ и пр., а дѣлает он это весьма часто, ибо это один из его любимых методов доказательств. В этом отношеніи Сталинскій сдѣлал, можно сказать, себѣ карьеру на П. Н. Милоковѣ, стараясь, не брезгуя ничѣм, дискретировать его, как обществен-

* От См. № 1 журнала, гдѣ изложена исторія образованія Союза и приведены его платформа и тактическая Положенія.

*) См. «Воля Россіи», №№ 10-11 и 16-17, 1924 г.

наго дѣятеля. Читая разоблачительныя строки г. Сталинскаго, можно подумать, что имѣешь дѣло или с молодым, страстным неофитом, или со старым, непреклонным умом, которому не привелось на своемъ вѣку мѣнять взгляды и который с естественной суровостью взирает на современный грѣховный міръ с его смѣняемостью вѣх и всяческой перелетностью.

На самомъ дѣлѣ г. Сталинскій не из такихъ. Он самый обыкновенный по нынѣшнему времени. Страстность его не от неофитства или непреклонности ума и характера, а страстность новообращеннаго. Путь его, хотя и недолгій, но достаточно испещрен вѣхами, натыканными в разныя стороны.

Если какая-нибудь газета откроет у себя отдѣлъ на подобіе «из старыхъ журналовъ», существовавшего в «Дняхъ», но с тѣм, чтобы вскрывать там грѣхи не одних и тѣх же лиц или одной партіи, как это было в «Дняхъ», а всѣх без исключенія, то можно будетъ дать в этот кладбищенскій отдѣлъ кое-что и из прошлаго писателя Сталинскаго.

А пока упомянемъ лишь, что правый с. р. в прошлом, на порогѣ изгнанія из партіи за эту правизну, г. Сталинскій нынѣ самый лѣвый в лѣвомъ станѣ. Раньше он страстно писалъ противъ Чернова и иже с ним, а нынѣ он страстный черновец и переписываетъ старыя мысли этого стараго грѣховодника. По части коалиціи у Сталинскаго совсѣмъ неблагополучно. В прошлом он былъ за коалицію с буржуазными партіями и даже, *horribile dictu*, состоялъ в запрещенномъ партіей и нынѣ разоблачаемомъ Черновымъ «Союзѣ Возрожденія Россіи» и прѣшилъ тамъ вплоть до представительства от этого союза в парижскомъ его отдѣлѣ. А нынѣ?

А «нынѣ» мы увидимъ, когда обратимся къ его писаніямъ противъ демократической коалиціи.

Отношеніе къ «Респ. Дем. Союзу» и его органу «Свободная Россія» у Сталинскаго опредѣленно враждебное. Объясняется эта враждебность не тѣм, что журналъ не удовлетворяетъ литературнымъ вкусамъ г. Сталинскаго, а принципиальной неприемлимостью для него направленія «Свободной Россіи», в основѣ котораго лежитъ платформа «Респ. Дем. Союза». Платформа же эта опредѣляется г. Сталинскимъ, какъ либерально-буржуазная. В социальной области платформа прокламируетъ неизбѣжность в послѣбольшевицкой Россіи возврата къ началамъ частнохозяйственной дѣятельности, безъ чего немислимо поднятіе ея матеріальной мощи. Г. Сталинскому представляется все это проповѣдью социальной реакціи, даже реставра-

ціи, со всѣми тяжкими послѣдствіями для трудовыхъ классовъ. Не стѣняясь пріемами, пуская в ход передержки, Сталинскій доказываетъ огромную опасность, которая грозитъ для опекаемыхъ имъ трудовыхъ классовъ в случаѣ водворенія в странѣ рекомендуемыхъ нами началъ.

Какія же начала рекомендуетъ онъ? Соціалистичесія? Грядетъ Россія социалистическая? Вотъ тутъ-то начинается нѣчто, весьма характерное для г.г. Сталинскихъ. Начинается неясность, загадочныя слова и всяческое языкоблудіе. Россія, конечно, не будетъ соціалистической, об этомъ смѣшно говорить (читайте программу П. С. Р.). Значит, капиталистическая, буржуазная? О, нѣтъ! Мы достаточно соціалистичны, чтобы этого не говорить (опять читайте нашу программу). Так, какой же будетъ ваша Россія?

Будетъ она, видите ли, «трудовымъ государствомъ» и слѣдуетъ поясненіе: «трудовымъ государствомъ, которое имѣетъ шансы создаться в виду опромнаго численнаго преобладанія трудовыхъ классовъ населенія, трудового характера русской революціи, слабости буржуазіи, особенностей социальной структуры новой Россіи». Какъ видите: поясненіе ничего не поясняющее. Многословное, с ударностью на словахъ «трудовой», «трудовое», но бездоказательное. Напоминаетъ оно нынѣшнее, с такимъ же успѣхомъ защищаемое, положеніе, что Россія есть, «рабоче-крестьянское» государство, ибо в немъ преобладаютъ рабочіе и крестьяне.

Есть у Сталинскаго еще дополнительная характеристика будущаго загадочнаго государства; вотъ она: «трудовое государство означаетъ такой строй *широкой* демократіи, в которомъ *еще нѣтъ* социализма, гдѣ *еще существуютъ* капиталистическія отношенія, но гдѣ уже власть находится в рукахъ трудящихся, накладывающихъ свою печать на хозяйственную эволюцію страны».

Вотъ и поймите: «гдѣ еще не существуетъ социализмъ и гдѣ еще существуетъ капитализмъ, но гдѣ уже . . .» И при этомъ еще одинъ загадочный терминъ: «широкая» демократія. Какая-то, не то полукapиталистическая, не то полусоциалистическая Россія.

Отъ загадки къ загадкѣ. Какъ же, спрашивается, будетъ настраивать жизнь это государство с трудовой властью во главѣ? Вотъ, напримѣр, промышленность. Какъ с ней? Оказывается, весьма просто: «Воля Россіи» и «Революціи Россіи» никогда не требовали социализаціи всего производства, а лишь перехода в руки государства нѣкоторыхъ отраслей добывающей промышленности, являющихся в Россіи «ключевыми».

Что же такое «ключевой»? Пояснений у Сталинскаго не ищите. А вѣдь несомнѣнно собака - то зарыта именно в этом пунктѣ. Ключ, которым будет трудовая власть Сталинскаго отпирать отдушину в социализм, лежит тут.

Одно ясно: дай в руки власть таким, как Сталинскій, они сумѣют найти столько этих ключевых отраслей промышленности и так настроят жизнь, что трудовые и проч. классы скоро забудут всякую разницу между Сталинским и Сталиным.

Оставив экономику, вернемся к политикѣ. Сталинскій общает, что его трудовой строй обезпечит «широкую» демократію. С негодованіем, считая «пасквилем», отвергает он указанія на то, что по своимъ взглядам он и ему подобные «полубольшевики». Не будем оспаривать законность его негодованія. Но дѣло, вѣдь, не в названіи, а в сути. Суть же развиваемых им положеній такова, что дает право сближать его программу «трудовой» Россіи с нынѣшней «рабоче - крестьянской».

Вот, напримѣр, мнѣніе г. Сталинскаго о правах будущей буржуазіи при его «широкой» демократіи. «Трудовое государство, пишет он, не означает лишенія политическихъ прав буржуазной части населенія, а свободу и равенство для всѣх». Прекрасно. Автор хорошій, широкій демократ. И в коалиціи широко - демократической мог бы, пожалуй, участвовать, ну, хотя бы для завоеванія этой счастливой поры, когда «свобода и равенство для всѣх».

Но дѣло - то в том, что разрѣшеніе буржуазіи имѣть политическія права не слишкомъ большая жертва, приносимая Сталинским на буржуазный алтарь. На самом дѣлѣ этого разрѣшенія и давать - то будет некому по той причинѣ, что буржуазіи фактически не будет в почти - социалистической Россіи. Русская буржуазія, которая, оказывается, существовала в прошлом лишь, как «искусственно созданная», нынѣ совсѣм *quantité négligeable*. Кромѣ того, «на демократизм русской буржуазіи вовсе уже не приходится возлагать надежд»; она «лишена культурныхъ традицій, хищническая, в періодѣ первоначальнаго накопленія». Других, «средних» классов в Россіи нѣтъ и не предвидится.

Ясно, что к моменту появленія строя, предоказываемаго Сталинским, буржуазія будет столь жалкой величиной, а с другой стороны, трудовые классы, образовавъ свою власть, примутся столь энергично за упраздненіе «ключевого» и прочаго капитализма,

что от буржуазіи и ея прав скоро и слѣда не останется.

Это и будет подлинная «широкая» демократія, если, в особенности принять во вниманіе примѣчаніе г. Сталинскаго, что «единственными силами демократіи в Россіи является пролетаріат и крестьянство» (даже «трудовую интеллигенцію» позабыл упомянуть правовѣрный с. - р., да простит ему В. Чернов!).

Будет напраснымъ трудомъ доказывать всю абсурдность мысли об исчезновеніи буржуазныхъ начал и буржуазныхъ слоев из хозяйственнаго строя, который остается по существу буржуазнымъ, хотя и с «урѣзками», и еще большую абсурдность подведенія прочаго населенія («трудовыхъ классовъ») под такую категорію, гдѣ ни в укладѣ жизни, ни в идеологіи не мыслимо ничего «буржуазнаго». И как будто это населеніе, даже в представленіи г. Сталинскаго, не окажется склоннымъ творить «буржуазную» политику во имя общегосударственныхъ цѣлей?

Подобные аргументы, как и всякія ссылки на живые факты русской и всемірной жизни, не имѣютъ тут силы, ибо мы имѣемъ дѣло с упрощеннымъ максимализмомъ или, если хстите, с полубольшевизмомъ.

Для цѣлей статьи будетъ достаточнымъ установить тот фактъ, что раз в настоящей и будущей Россіи по Сталинскому буржуазнымъ классамъ мѣста нѣтъ и рѣчь идет не о демократіи, а о трудократіи или социалистической демократіи, то падаетъ всякій интересъ к вопросу о коалиціи сил, об общедемократическомъ объединеніи и пр.

Сталинскій так и думает: «вопрос о коалиціи менѣе всего стоит в порядкѣ дня» или «просто коалировать не с кѣм, даже при желаніи». Что касается эмиграціи, то коалиція здѣсь кажется Сталинскому просто безсмысленной, ибо нѣтъ ни задач, ни цѣлей (о задачахъ практическихъ, вродѣ борьбы с большевизмомъ, г.г. Сталинскіе неизмѣнно забываютъ в такихъ случаяхъ).

Естественно, что при такомъ умонастроеніи иначе, как враждебно, и нельзя относиться ко всякого рода коалиціонно - демократическимъ попыткамъ, вродѣ «Респ. Дем. Союза», ибо эти попытки иллюстрируютъ наличность и живучесть ненавистнаго духа и создаютъ тревогу за будущее Россіи, гдѣ этотъ дух демократіи можетъ выбить почву из под ногъ трудократіи.

Суммируя, мы можемъ сказать, как и раньше неоднократно говорили, что с группировками, взгляды коихъ представляетъ г. Сталинскій, не только коалированіе, но и всякіе переговоры о коалиціи не имѣютъ, ко-

нечно, смысла и не могут быть ни в настоящем, ни тѣм болѣе в будущем.

Демократическій фронт будет имѣть такія пруппировки не в себѣ, а внѣ, против себя, ибо позиція их глубоко антидемократична, а их цѣли и тактика — деструктивны.

Онѣ все дальше и дальше уходят от того социализма, который носит название демократическаго. Поскольку этот социализм остается твердо на позиціи признанія основ демократіи и с этим соображает свою тактику, он будет в рядах демократической коалиціи во всѣх необходимых случаях.

«Всякая партія, пишет г. Сталинскій, а в особенности социалистическая, может собирать свои силы вокруг себя лишь выступая с открытым лицом, со всей своей идеологіей, со всей своей пропрограммой. Исказить свою сущность, закрыть свое лицо коалиціонной вуалью в період, когда еще только начинается или возобновляется процесс собиранія сил, болѣе чѣм самоограниченіе. Это самоубійство».

Г. лѣвые эсеры из «Воли Россіи» хотят быть в одиночествѣ и притом с открытым лицом; «дамой без вуали». В добрый час.

И выразим увѣренность, что чѣм открытѣе будет становиться это лицо, чѣм крѣпче встанут они на свою позицію, удалив из нея всякую недоговоренность, загадочность, всякіе эти «полу», тѣм скорѣе завершится «начинающійся или возобновляемый» ими процесс собиранія сил.

Сил ничтожных здѣсь и еще болѣе ничтожных там, в будущей демократической Россіи, которая пожелает жизни и творчества, а не опытов разрушенія.

Кирилл I.

Нѣсколько мѣсяцев тому назад исторія обогатилась событіем: Кирилл I из дома Романовых принял «принадлежащій ему непререкаемо титул Императора Всероссійскаго».

В манифестѣ, возвѣщающем русскому народу о своем рѣшеніи спасти его принятіем новаго титула, Кирилл I скромно умалчивает и о «Божьей милости» и о «волѣ народной», на которыя привыкли ссылаться другіе монархи.

В самом дѣлѣ, если бы «Божья милость» возвела его на трон, она не скрыла бы этого от православных іерархов, открыв свою волю католическим, ибо первым призналъ царя православной Руси — папа римскій.

Но воля народа потребовала от него «возглавленія дѣла спасенія Россіи Высшим, Законным, внѣсловным и внѣпартійным авторитетом» — пока он сам просит ее: — «пусть всколыхнется промада народная и призовет своего Законнаго, Народнаго Царя».

Придворные новаго царя заявляют, что они «жаждут активных дѣйствій, стремятся фактически прійти на помощь многострадальной Родинѣ, но как, повидимому, из конспиративных соображеній не сообщают. Иностранная интервенція? — Но царь не рѣшился сообщить иностранцам о своем переименованіи. Поход заграничной бѣлой арміи? — но пока царь только надѣется на то, что «большая ея часть, если не вся она, вѣрная завѣтам предков, вопреки приказу Главнаго Командованія» стихійно двинется «за своим законным Вождем», никогда и никуда ее не водившим.

Остается одна надежда на то, что красная армія «воскресив историческій Завѣт за Вѣру, Царя и Отечество, возстановит на Руси былой Закон и Порядок».

Время идет и хотя, вопреки мечтам о том, что «Манифест этот пронесется по всей Русской землѣ подобно звону» народ не колышется и не зовет царя, царь, не смущаясь, подбирает для него губернаторов, а для себя шталмейстеров, «чтобы в нужный момент вступить с ними в предѣлы Россіи для борьбы с большевиками и водворенія в ней законности и порядка», а «Императрица Всероссійская» отправляется на гастроли в Америку добывать у американских любителей аттракціонов деньги на приобрѣтеніе новой короны.

Разсчеты кирилловцев на скорый успѣх болѣе, чѣм оптимистичны. По разсчетам их идеолога Н. Снѣсарева, 50 % русскаго народа — всѣ находящіеся в зрѣлом возрастѣ, в том числѣ «бывшіе солдаты, матросы, рабочіе и крестьяне, а также вся часть населенія, так или иначе приобрѣвшая собственность... опредѣленно и твердо ненавидит совѣтскую власть... но пока ее боится, не имѣя организациі и силы». Достаточно показать ей царя, чтобы организациія и сила появились и хотя, по его подсчету, среди остальнаго населенія 10 %, в возрастѣ от 60 лѣт и выше уже совершенно непригодны к активной дѣятельности и способны только брюзжать и вспоминать о лучшем времени, а молодежь почти цѣликом на сторонѣ совѣтскаго правительсва, дающаго ей возможность бездѣльничать, — быстрый воображеніем легитимист, увѣрен в том, что в глубинѣ и этой части

населенія живет первоначальное монархическое самосознаніе, надѣется «строгими и настойчивыми мѣрами привести молодежь к порядку сравнительно легко и быстро» и радостно заявляет: «Таким образом направление у преобладающей и наиболѣе активной части русскаго народа безспорно и вполне опредѣленно монархическое и мало того, что монархическое, но и монархическое абсолютное».

С подобным же расчетом легитимисты подходят и к эмиграціи, увѣряя, что «смѣло можно игнорировать ничтожную горсть социалистов разных оттѣнков и республиканцев...»

При таких шансах самодержавія нужно ли много общать? И в актѣ, возвѣщающем свое «восшествіе на престол», Кирилл I увѣряет, что он «возстановит храмы, простит заблудших, законно закрѣпит за крестьянами землю». Он клянется «свято блюсти Вѣру Православную и *Россійскіе Основные законы о Престолонаслѣдіи*». Наконец, должно быть вспомнив о благосклонности папы римскаго общает «нерушимо охранять права всѣх вѣроисповѣданій». И только!

Кромѣ туманнаго общанія закрѣпить неизвѣстно на каких условіях, неизвѣстно какую землю за крестьянами, царь счел за благо умолчать о том, как он собирается править.

«Сама жизнь покажет, как сложится в будущем царская власть по отношенію к народу. Сама жизнь установит форму монархіи и та же жизнь опредѣлит духовное и матеріалистическое строительство народнаго благоустройства», поясняет г. Снѣсарев.

Так как настроеніе и в Россіи и в эмиграціи монархическое — дѣло спасенія Россіи сводится к спору между монархистами, а потому нѣтъ злѣйших врагов для «кирилловцев», как «провокаторы монархизма» — т. е. «николаевцы».

Спор о личности царя — досаднѣйшая помѣха для монархическаго движенія, тѣм болѣе неприятна, что с ним не связаны какія-либо глубокія программныя различія. И там и там доводами в пользу монархіи остаются, главным образом, мистическое обаяніе титула и вѣра в монархическое естество русскаго національнаго духа.

Различіе в том, что для Николаевцев путь бонапартизма привлекательнѣе легитимнаго. Их кандидат должен сначала побыть в качествѣ вождя, завоевать популярности себя и обанкротившейся идеѣ монархіи.

Однако, выбрать кого-нибудь не только в Наполеоны, но даже в Муссолини — также не просто, как назначить кого-нибудь Пушкиным или Ломоносовым, и псевдо-бонапартистам ничего больше не осталось, как обратиться к представителю старой династіи, очевидно, в том же расчетѣ на «трехсотлѣтнее атавистическое уваженіе к царской династіи Романовых».

Правда, им хочется царя какой получше, а не какого Бог посылает, с которым бы и народ легче примирился и была бы видимость избранія его народом, хотя бы в лицѣ монархическаго совѣта. Но выбор так бѣден, а до народа так далеко...

По представленію кирилловцев народ примет лишь законнаго царя, потому-то и нужно чтобы свято блюлись законы о престолонаслѣдіи. Законный царь не может быть плохим, ибо представительствованіе от народа не может подняться «на мистическую вершину государственной іерархіи... до Богом вѣнчаннаго, династически непрерывнаго, монаршаго служенія великим историческим завѣтам...» («Катехизис монархизма» А. Билинскаго).

Спасеніе в династической непрерывности и потому так и цѣпляются кирилловцы за основные законы о престолонаслѣдіи, которые для них род магической формулы, таинственный источник духа, который волеет во всѣ явленія государственной жизни и принесет Россіи мир и благополучіе. Напрасно Николаевцы раз'ясняют им, что кромѣ закона, не совсѣм яснаго, есть законное отреченіе от власти послѣдняго законнаго наслѣдника престола в. к. Михаила Александровича и есть постановленіе Сената, узаконившее паденіе старой династіи и тѣм прекратившее разговоры о престолонаслѣдіи.

До сих пор демократы находили нужным считаться и спорить с Николаевцами, к кирилловцам же всегда относились иронически — хочет блюсти пустое мѣсто — пусть блюдет, хочет называть себя Величеством — пусть называет...

Однако, так ли безнадежно дѣло легитимистов?

В монархической массѣ и слоях близких к ней, не прекращается броженіе и стягиваніе к идейным полюсам. Абсолютисты становятся все откровеннѣе, отталкивая понемногу либеральные элементы в сторону демократическаго лагеря. Идеологи монархизма все глубже забираются в небеса.

В «Катехизисѣ монархизма» А. Билинскаго говорится: «В массѣ, мы лишь по внутреннему подсказу, по внушеніям религіозности, по интуитивному предугадыванію

правды — исповѣдники монархизма. Монархія — как древній храм, окутанный вѣками молитв... монархисты — только церковнослужители у этой чудотворной иконы».

И для монархиста-идеалиста царь насльдственный, указанный высшей десницей, обладает большим ореолом привлекательности, чѣм тот, в признание котораго вмѣшалась человѣческая воля.

Для монархистов, не считающих нужным бормотать что-то неясное о мало кого интересующей конституціи, пріятнѣе итти за столь же прямолинейным и откровенным вождем. Наконец, кто ищет выгоднаго покровителя, пойдет за тѣм, кого окружают люди, не только знающіе, что в каждом домѣ есть деньги, но и умѣющіе их взять.

Так как «водительство» одного из кандидатов такой же миф, как и трон другого — нѣтъ ничего невозможнаго в том, что в средѣ монархической эмиграціи начнется, и она уже началась, смѣна вѣх в пользу «императора».

Это здѣсь. Но там? Захочет ли Россія принять царя, сошедшаго с неба при помощи какой-то земной, внѣ ея самой лежащей силы или власть новаго монарха вырастет на вспаханной революціей почвѣ?

Внѣшней силы до сих пор не находилось и как бы ни страдала Россія, она уже разубѣрилась в благой помощи оружія иностран-

цев. Если сохранившіеся в Россіи монархисты с радостью ухватятся за манифест царя, с приходом котораго, по его словам, «Россія получит широкую помощь от голода и спасеніе от окончательной гибели», то отсутствіе послѣдствій добьет и в них надежду на спасительную силу царскаго появленія.

В жизнь вступает новое поколѣніе, которое не знало мистическаго трепета перед «божьем помазанником». Армія, если даже она из красной станет бѣлой, примет только своего вождя, а не чужого водителя с авансом выданным патентом на популярность. Крестьянство, на которое больше всего уповают монархисты всѣх оттѣнков, сулящіе ему «мужицкаго царя», уже привыкло защищать свои интересы, споря с самой несговорчивой из властей. Теперь оно больше, чѣм когда-либо хочет быть хозяином в своем домѣ и ради экстагического любованія «державным хозяином» оно не набросит на себя плетушущую для него сѣть полицеймейстеров и для него безразлично, кто будет возвращать помѣщиков — Николай или Кирилл, — оно не захочет ни того, ни другого.

И каковы бы ни были успѣхи монархистов в эмиграціи, каким бы пышным двором ни окружил себя безземельный монарх — жизнь принадлежит живым, и мертвые воскресают только в легендах.

Вѣсти из Россіи.

О современной деревнѣ.

Лѣтом и осенью 1924 г. мнѣ пришлось провести нѣсколько мѣсяцев в самых глухих углах сѣверной русской деревни и сейчас мнѣ хочется подѣлиться своими, хоть и очень отрывочными, но подлинными и живыми впечатлѣніями.

Правда, посѣщенный мною район исторически и экономически существенно отличается от типичных и средне-русских губерній. И в этом отношеніи, конечно, я не могу относить все мною наблюденное ко всей русской деревнѣ вообще. Район этот никогда не знал крѣпостнаго права и помѣщичьяго землевладѣнія. земледѣліе в нем имѣет лишь подсобное значеніе, гораздо болѣе важную роль в сельском хозяйствѣ играет скотоводство, а еще болѣе существенной основой благосостоянія являютсѣ виѣземледѣльческіе промыслы. В силу это-

го революціонное пріобрѣтеніе земли крестьянством не имѣло здѣсь мѣста, но разрушеніе революціей торговаго аппарата ударило по населенію очень сильно.

Мнѣ пришлось быть в этом районѣ в годы максимальной хозяйственной разрухи, перед нѣпом, и мое первое впечатлѣніе, теперь подтвержденное тщательным сравненіем и наблюденіем, было впечатлѣніем опредѣленнаго и значительнаго выпрямленія крестьянскаго хозяйства за нѣсколько послѣдних лѣт. Уже при самом вѣздѣ почти в каждую деревню бросается в глаза большое число строящихся и только что отстроенных изб и хозяйственных построек. Еще болѣе поражает наличіе новых, недавно купленных, сельско-хозяйственных машин, главным образом, комболок, конных граблей и сепараторов, в самых отдаленных и глухих углах, откуда за ними иногда нужно нѣсколько дней ѣхать до уѣзднаго кооператив-

ва и с величайшими трудностями везти их домой. Численность скота, по сравнению с переписью 1920 года, возросла значительно, в особенности, численность молодняка, процент которого в стадѣ теперь превышает процент довоеннаго времени. Молодняк сохраняется настолько, насколько позволяет корм и ради сохранения его теперь предпринимаются расчистки новых сѣнокосов.

Однако, в районѣ моего наблюдѣнія, рыночность крестьянскаго хозяйства в общем и цѣлом не только абсолютно сильно уменьшилась за годы разрухи, но и продолжает относительно уменьшаться за послѣдніе годы несомнѣннаго восстановления хозяйства. Крестьянство, прежде прикупавшее хлѣб в огромном количествѣ для того, чтобы имѣть возможность использовать рабочіе руки в неземледѣльческих промыслах, опытом голода, вызваннаго сначала разрушеніем, а потом монополіей хлѣбной торговли, приведено к твердому убѣжденію в необходимости сдѣлать свое хозяйство возможно болѣе самодовлѣющим. Отсюда, значительное увеличеніе посѣвов зерновых хлѣбов и картофеля, по сравнению с до-военным временем, введеніе нѣкоторых новых технических растений, как лен и конопля, используемых исключительно в своем хозяйствѣ и, как обратная сторона этого, — отвлеченіе рабочей силы от нѣкоторых выгодных рыночных промыслов.

Каждый раз, как мнѣ приходилось обращать вниманіе крестьян на нецѣлесообразность такого явленія, отвѣтъ получался неизмѣнно одного и того же содержанія: что так, мол, оно надежнѣе — имѣть все необходимое в своем хозяйствѣ.

Наряду с этим распредѣленіе сил и капитала в производствѣ излишков против собственного потребленія чутко реагирует на рыночную конъюнктуру, усиливая наиболѣе выгодныя отрасли. Так, в согласіи с требованіями рынка, увеличилось молочное скотоводство и, отчасти, овцеводство для сбыта шерсти.

Как я уже сказал, никакого революціоннаго приобрѣтенія земли крестьянством не было в районѣ моего наблюдѣнія. Существовавшая здѣсь в большинствѣ селеній община не измѣнилась за время революціи характера и принципов передѣла; там, гдѣ ея не было, она не возникла за это время. Однако, стремленіе к индивидуализаціи землепользованія пробивается и здѣсь. Оно сказывается в небывало интенсивном производствѣ расчисток и закрѣпленіи за собой права на вновь расчищенные участки на максимальный срок, иногда в заключеніи договора с общиной о переходѣ этих земель в полное индивидуально-наслѣдственное владѣніе, в то время как до революціи такіа расчистки по прошествіи 40 лѣт поступали в передѣл.

Конечно, в жизни еще много старых элементов общинности, но, нужно сказать, что в тѣх областях, гдѣ их стремятся насадить сверху, они наталкиваются на упорное сопротивленіе. Припоминаю один яркій эпизод. Довольно большая группа крестьян одной очень глухой деревни хотѣла образовать товарищество для совместнаго приобрѣтенія и использования ряда дорогих сельско-хозяйственных машин. Инициаторы проявили совершенно необычную энергію для того, чтобы осуществить свой проект, но все предпріятіе споткнулось о параграфъ официальнаго устава, требующій, чтобы в случаѣ ликвидаціи имущество поступило в общественное землепользованіе всей земельной общины или в волостной земотдѣл. Этому категорически воспротивились всѣ участники проектированнаго товарищества, желавшіе в случаѣ ликвидаціи раздѣлить имущество между собой.

Наблюдаемый повсемѣстно рост хозяйственной активности, по неоднократно провѣренному мною впечатлѣніем, как-то связан с индивидуалистическим уклоном хозяйствованія. Существенно отмѣтить, кромѣ того, что пока восстановленіе разрушеннаго за годы революціи и дальнѣйшее улучшеніе основных условій хозяйствованія — и прежде всего, основного капитала сельскаго хозяйства, покупается цѣной сокращенія потребленія крестьянской семьи. Можно указать с полной опредѣленностью, что наиболѣе активно и прогрессивно хозяйственным элементом являются вернувшіеся из плѣна солдаты міровой войны. Много раз мнѣ приходилось слышать длинныя и с большим увлеченіем рассказываемыя повѣствованія о крестьянском хозяйствѣ в Германіи, о способах обработки земли и организаціи скотоводства. Припоминаю один спор в праздничный лѣтній вечер нѣскольких бывших плѣнных о примѣнительности тѣх и иных нѣмецких улучшеній к здѣшним русским условіям, обнаружившія большую наблюдательность и замѣчательную остроту пониманія возможностей своего хозяйства...

Впечатлѣнія от сельско-хозяйственной Германіи и Австріи (а иногда и бывш. прогрессивных районов Россіи, как, напр., Прибалтійскія губерніи, в которых стоял полк рассказчика), проявляются далеко не только в рассказах и спорах.

Неоднократно мнѣ приходилось видѣть тѣ или иные улучшенія «по нѣмецкому образцу» и не однажды я мог наблюдать попытку перестройства в таком направленіи всего хозяйства. Очень живо стоит передо мной один из самых ярких представителей активных реформаторов своего хозяйства. Крестьянинъ этот попал в германскій плѣн около 30 лѣт от роду и пробыл в качествѣ сельско-хозяйственнаго

рабочаго в крупно-крестьянском хозяйствѣ Восточной Пруссии около 3-х лѣтъ. Там, по его словам, наиболѣе сильное впечатлѣніе на него произвело открытіе, что крестьянин может и должен калкулировать, составляя ежегодный план своего хозяйства; но и техника хозяйственных операций не была им оставлена без вниманія. Вернувшись из плѣна, в концѣ 1919 года, он с помощью двух сыновей-подростков и время от времени принимаемых рабочих, расчистил в 15-ти верстах от деревни нѣкоторую площадь под пашню, сдѣлал при первой возможности заявку на расчистку болѣе обширной площади и сѣнокоса, выстроил, пользуясь бесплатно пользованіем казенными лѣсками, просторный дом и хозяйственные постройки и перевез на слѣдующій год семью на свой новый хутор.

Я провел в этом маленьком помѣстьѣ два дня, с интересом наблюдал этот новый тип крестьянина и крестьянского хозяйства.

Теперь у него максимальный во всем районѣ посѣвъ, улучшенная, по сравненію с господствующей система полей — 3 лошади, около дюжины коров, много молодняка, бык и овцы и соотвѣтствующая стаду площадь сѣнокоса. Всѣ земли представляют сплошной, довольно правильной формы, отрѣзок, постройки находятся приблизительно в центрѣ у рѣки. Но самое замѣчательное, это то, что хозяин ведет тщательныя записи всѣх своих доходов и расходов (по прусской системѣ, как он говорит) и производит столь удачно селекцію сѣмян, что не может удовлетворить всѣх желающих приобрести у него (по очень хорошим цѣнам) сѣмянной матеріал. У него имѣются: сѣнокосилка, конныя грабли, молотилка и сепараторы, имѣются и сельско-хозяйственныя книги, правда, довольно устарѣвшія, приобретенныя по дорогѣ из плѣна домой. Пока рабочіе нанимаются только поденные на горячее время, в остальном справляется многочисленная семья, но хозяин не скрывает надежды имѣть в будущем хоть одного постоянного рабочаго. Приведенный примѣръ является, правда, самым ярким из попавшихся мнѣ на глаза, но отнюдь не единичным. Уходя из деревни теперь на расчистки многіе из болѣе зажиточной или просто из болѣе предприимчивой части. Очевиден и интерес и к техническим улучшениям — опытное поле под уѣздным городом посѣщается, как никогда, пріѣзжающими из самых глухих углов.

Однако, новышенная хозяйственная активность не приводит к активному участию в кооперации. Правда, в области кооперации все обстоит благополучно: губсоюз имѣет уѣздныя филиалы, послѣдніе имѣют волостныя лавки. Одними и тѣми же органами производится и снабженіе населенія предметами потребленія и

скупка продуктов крестьянскаго хозяйства. Внѣшне все благополучно, но по существу кооперация в этом районѣ безкровно-бюрократична, населенію она чужая, хотя формально поголовно всѣ состоят членами кооператива.

Меня чрезвычайно заинтересовал недоброжелательный индифферентизм крестьянства к существующей кооперации, столь не гармонирующей с его активно-хозяйственным настроеніем, но мнѣ, к сожалѣнію, не удалось познакомиться поближе с политикой мѣстнаго губсоюза. Из разговоров с крестьянами я вынес впечатлѣніе, что их отталкивает предпрѣшность всѣх хозяйственных операций губернским центром, увлеченіе заправил «доходностью предприятий» в ущерб интересам членов и ярко политическая окраска кооперативных органов. Всѣ три перечисленныя свойства несомнѣнно имѣются на лицо.

В области сбыта продуктов крестьянскаго хозяйства кооперации, работающей на одинаковых условіях с госторгом, явно предпочитают частных скупщиков. Послѣдніе и платят лучше и кредитуют, чего не дѣлают ни госторг, ни кооперация, и предоставляют в счет купленного любуе по выбору товары из своей лавки, тогда как кооперация и госторг наиболѣе интересные для населенія предметы, как мануфактуру, сахар, чай, то и дѣло изѣмлют из свободной продажи. «Все никак сахару на нас напасаться не могут», говорят о них с явной издѣвкой.

«Дѣятели кооперации» дѣлятся на два главных вида: или это посаженные оздоровить кооперативное движеніе коммунисты, которые чаще всего просто безхозяйственны, а иногда, кромѣ того, не прочь нѣсколько обогатиться на почетном посту, или пошедшіе на службу кооперации торговцы, несомнѣнно полезные ей своими навыками и знаніем рынка, но гниущіе вовсе не кооперативную линію и при случаѣ не упускающіе поторговать под прикрытіем кооперации, но за собственный счет. Должен огорчиться, однако, что я лично очень мало сталкивался с кооперативными работниками и изображаю их сейчас такими, какими они существуют в представленіи населенія — в данном случаѣ только это меня и интересует.

Обыкновенно разговор с крестьянином о дефектах кооперативнаго обслуживанія кончался тѣм, что он с большим энтузіазмом рассказывал мнѣ, как прекрасно и удобно велась торговля прежних крупных торговцев-скупщиков. И кредит — то каждому открывался почти что неограниченный и товары — то выбирай любуе и самого лучшаго качества, ну, конечно, уж когда дѣло дойдет до поставки, то принимает со строгостью, уж гнилоу не всунешь, как кооперативу, ну, да вѣдь зато и уваженіе имѣли к торговцу. Я не сомнѣваюсь, что на самом

дѣлѣ прежній скушник не был лицом столь индивидуальным, но показателью уже то, что его теперь так приукрашивают. А к существующим теперь частным скушникам-торговцам относятся и в самом дѣлѣ лучше, чѣм к кооперационным, в особенности, к неаппетитному госторгу. Но частные торговцы работают еще в незначительном количествѣ и с большой опаской. Предпочитают быть агентами или контрагентами госторга. Многие из них таким способом потихоньку пополняют реквизиционные капиталы до суммы необходимой для самостоятельной торговли, другие же сознаются в откровенном разговорѣ, что могли бы развернуться много шире, если бы были увѣрены, что их имущество останется неприкосновенным, теперь же предпочитают не показывать своих возможностей.

Остановлюсь на своих впечатлѣніях о взаимоотношеніях деревни и власти и о характерѣ деревенских властей. Если крестьянское хозяйство за послѣдніе годы явственно изжило все коммунистическіе покушенія и повернулось спиной ко всем коммунистическим принципам, то аппарат власти в деревнѣ, наоборот, по сравненію моих наблюденій этого и предыдущего приѣзда, стал значительно болѣе коммунистическим по составу и, кромѣ того, крѣпче ухватил прежде ускользавшую от него деревню. Я помню, что нѣсколько лѣтъ тому назад, на уѣздный сѣзд собирались сплошь «безпартийные» и по существу анти-коммунистическіе председатели волисполкомов и только незначительная ловкость рук коммуниста, секретаря сѣзда, создавала сплошь коммунистическій состав уѣзднаго волисполкома, который в силу своего состава был совершенно безсилен на мѣстах.

Теперь не то. Председатель волисполкома или «викъ», как его теперь называют, почти всегда коммунист, со значком компарти.

Настоящій оп коммунист или маргаритовый, за страх или за совѣсть — это вопрос другой, но как таковой оп связан жестокой партійной дисциплиной и благодаря ей является проводником распоряженій уѣзднаго и прочих «центров» в волости.

Довольно часто мнѣ встрѣчались назначенные волисполкомы, но и там, гдѣ они были кѣм-то и как-то выбраны, в большинствѣ случаев это означало не столько довѣріе к лицу, сколько желаніе просто остаться в сторонѣ, выдвинув наиболѣе дружественнаго уѣздным властям кандидата. В огромном большинствѣ случаев к выборам сельских должностных лиц относятся или до сих пор относятся болѣе чѣм индифферентно. Только один раз мнѣ пришлось видѣть напряженное настроеніе и иѣчто вроде предвыборной агитации при вы-

борах новаго волисполкома. Было это при таких условиях. Председатель волисполкома, избранный за свой коммунизм, величайшій авантюрист, по моим впечатлѣніям, оказался на своем посту безпокойнѣйшим прожектером. Свое управленіе он вознамѣнился украсить созданіем в волости «правильной школьной сѣти и правильной дорожной сѣти», как он любил выражаться. Кромѣ того, он проявил себя очень рьяным насаждиком коммунизма и борцом против религии. Что касается обонх «сѣтей», то тут, кромѣ благодарности потомства, его одушевляло еще стремленіе нагрѣть руки на этом дѣлѣ, что он и начал удачно осуществлять. На расходы по новым сооружеціям ему удалось добиться в уѣздѣ разрѣшенія на волостной налог, в полтора раза превосходившій государственный, а так как населеніе его не платило, то пришлось прибѣгнуть к описи имущества и уводу скота и т. д. Самыя рѣшительныя мѣры принимались им единолично и осуществлялись с помощью милиціи. Жаловаться населеніе пробовало, но безрезультатно — слишком видным и рьяным коммунистом был волисполком в уѣздѣ. Подошло время выборов и его дружно проваляли, выбрав на его мѣсто бывшаго лавочника. Казалось бы, и не требуется особаго напряженія, чтобы в волости, гдѣ всего 4 (точная цифра) человѣка коммуниста, провалить их кандидата, да еще скомпрометировавшаго в глазах всех. Но, однако, для этого потребовалось упорное доказываніе, что населеніе «имѣет право» выбрать не коммуниста, в чем многие сомнѣвались, что голосованіе против коммуниста не есть политическое преступленіе или мятеж и что, наконец, иначе придется отдавать скот за уплаченный налог. Это наденіе коммунистическаго волисполкома произвело большое впечатлѣніе в сосѣдних волостях; вызвало ли оно подражаніе и как реагировали на такое ослушаніе уѣздные органы, я уже не успѣл увидѣть за отѣздом.

Нужно сказать, что если председателями волисполкомов почти всегда бывает коммунисты, то на всех его членов коммунистов в волостях обыкновенно не хватает, равно как и на председателей селькомов, которые теперь называются сельскими исполнителями.

Органом власти всегда, без исключенія, коммунистическим и потому почти всегда не мѣстным, а присланным откуда-то уѣздным исполкомом, являются милиционеры. В районѣ моего наблюденія на волость их приходилось по 3—4, и они-то и составляли центр коммунистической пропаганды и коммунистическаго сыска. Большой частью это были люди с сомнительным прошлым, заставившим их покинуть их родныя мѣста, и явным желаніем выслужиться перед начальством, что вмѣстѣ с

их служебными функциями дѣлало их ненавистными массѣ населенія.

Наряду с волисполкомом - коммунистом и коммунистами - милиционерами, осуществляющими предписанія уѣздной власти всеѣми мѣрами, вплоть до примѣненія оружія, слѣдующій вид зажимающаго крестьянство государственнаго аппарата составляют финангеры и фининспектора.

Должен сказать, что по моим наблюденіям, крестьянство сейчас склонно покорно выплачивать самыя высокія налоговыя ставки, лишь бы в остальном его оставили в покоѣ. Но кроме высокых ставок общаго налога, патенты промысловаго обложенія примѣняются небывало широко; за малѣйшую просрочку во взносѣ налогов установлены такіе колоссальныя штрафы и так быстро за ними слѣдует опись и продажа имущества за неплатеж, реквизиціи скота по тому же основанію встрѣчаются так часто и носят такой безошадный характер, что населеніе находится в страшном озлобленіи противъ финансовыхъ властей. Такое же озлобленіе распространяется и на уѣздныя коммунистическія власти, главнымъ образом, пожалуй, за проявляемую ими теперь чрезмѣрную жадность хозяйственников, стремящихся во всеѣхъ проявленіях и во что бы то ни стало оправдать хозяйственный расчетъ.

Но на самый существенный вопрос: какъ измѣнился духовный обликъ самого крестьянина, отвѣтить безпристрастно очень трудно. Описывая факты, воздержусь, поэтому, от выводов и обобщеній. Коммунисты, какъ я сказал, не распространены в деревнѣ, если брать только мѣстное населеніе, но они встрѣчались в районѣ моего наблюденія в количествѣ нѣсколькихъ человекъ на волости, а есть волости и вовсе безъ единого мѣстнаго коммуниста. Но значеніе этихъ нѣсколькихъ, естественно, относительно велико и на типѣ деревенскаго коммуниста стоитъ остановиться.

И отчетливо вспоминаю всеѣхъ видѣнных мною деревенскихъ коммунистовъ, такъ какъ при каждой встрѣчѣ стремился прощупать их до основанія, и могу раздѣлить их на три группы: авантюристов, примазавшихся и искреннихъ. Первая группа немногочисленна, но даетъ зловреднѣйшіе образцы, вродѣ описаннаго мною волисполкома, хищные и для карьеры не останавливающиеся ни передъ чѣмъ. Конечно «побѣда пролетаріата» или «міровая революція» для нихъ безразличны, а къ «уничтоженію эксплуатаціи» они по существу могутъ относиться крайне враждебно. Примазавшіеся за страх, быть можетъ, за время своего пребыванія в партіи, убѣдили себя, что они искренно вѣрятъ в ея катехизисъ, хотя в глубинѣ души он им претитъ, и, разумѣется, никакихъ коммунистическихъ принциповъ в своей жизни они не проводятъ. Но есть

и небольшая группа искреннихъ деревенскихъ коммунистовъ. Впрочем, должен оговориться, они искренно вѣрятъ в то, что будто бы в основѣ они коммунисты, с искреннимъ увлеченіемъ поддерживаютъ коммунистическія власти, но если присмотрѣться, то сходятся с коммунистами лишь в небольшомъ количествѣ не очень важныхъ пунктовъ. Найдя общность в одномъ, они закрываютъ глаза на все остальное. Большею частью это солдаты и военнопленныя міровой войны, которыхъ пережитые и осознанные ужасы войны сдѣлали ея ненавистниками и тѣмъ толкнули их в станъ обѣщающихъ «миръ всего міра» или, по крайней мѣрѣ, «миръ хижинамъ». С ненавистью къ самой войнѣ, они обычно соединяютъ ненависть къ ея главарямъ и распорядителямъ, посылающимъ людей на смерть. Другіе приблизились къ коммунизму в результатѣ оккупациі этого района иностранными войсками и оскорбленнаго этимъ національнаго чувства. Какъ это ни странно, но среди самобытныхъ и не сфабрикованныхъ агитотдѣлами деревенскихъ коммунистовъ много глубокихъ патриотовъ. Они и не пытаются часто принимать интернационализмъ, да их и не принуждаютъ къ этому. Существеннымъ пунктомъ коммунизма всеѣ они считаютъ, какъ я понялъ изъ многочисленныхъ бесѣдъ, лишь осужденіе нетрудовыхъ доходовъ, и всеѣ его принимаютъ. Все прочее в партійной программѣ и тактикѣ имъ либо просто не ясно, либо принимается, какъ несущественное дополненіе или временная необходимость. Впрочем, должен оговориться еще разъ, что партійныхъ коммунистовъ в моемъ районѣ было очень мало среди кореннаго населенія.

Нѣсколько болѣе широкой слой представляетъ собой будущая «семѣна» — комсомолъ. В нѣкоторыхъ волостяхъ, гдѣ коммунистовъ 2—3, комсомольцевъ насчитывается цѣлый десятокъ, впрочемъ, и сами коммунисты не обольщаются такимъ успѣхомъ и правильно приписываютъ его притягательной силѣ субсидируемыхъ и покровительствуемыхъ властями комсомольскихъ танцулекъ и спектаклей.

Какъ ни пытаюсь я поговорить по душамъ с комсомольцами и выяснитъ себѣ хотя бы главныя черты ихъ политическаго идеала, изъ этого никогда ничего не выходило. Они упорно уклонялись отъ всякихъ общественныхъ темъ — они были имъ совершенно чужды и совершенно безразличны. И это понятно. У этихъ подростковъ и юношей нѣтъ еще собственныхъ переживаній в этой области и они слишкомъ примитивны и нетронуты, чтобы заражаться пафосомъ словъ. Зато о комсомольскихъ развлеченияхъ, о спектакляхъ, рассказывали на перебой с большимъ жаромъ. Во всеѣхъ встрѣчаемыхъ мною союзахъ молодежи существовали драматическіе кружки, но ни в одномъ, за исключеніемъ уѣзднаго, не было и намека на политическій или общественный

кружок. Впрочем, конечно, руководители, чаще всего волостные милиционеры, о которых я уже говорил выше, утѣшали себя и высшее партійное начальство мыслью, что они посредством театра распространяют коммунизм.

Помню одну, очень глухую волюсть с низким процентом грамотности и с процвѣтающим комсомолом, на спектакль котораго мнѣ удалось быть. Почти все населеніе, за исключеніем только самых древних стариков, собралось в сараѣ, служившем зрительным залом. Шла пьеса из французской жизни, времен парижской коммуны: «Фленго, юный коммунар», должно быть рекомендованная для сельских спектаклей за ея близость к русскому крестьянскому быту. Какія замѣчательныя слова произносили там (правда под суфлера) неграмотные ребята: Париж, Версаль, войска Тьера, Гамбета, Галифе и много других столь же таинственных, в одинаковой мѣрѣ, как для зрителей, так и для актеров. На слѣдующій день я убѣдился, что простого содержанія пьесы не понял ни один зритель и ни один актер, развѣ за исключеніем милиционера, бывшаго режиссером и главным героем. Но содержаніе и не важно. А развѣ не прельстительно предстать на подмостках перед всей деревней в фантастической бумажной треуголкѣ, в самодѣльных погонах, и шпорах, в солдатских брюках старшаго брата, с бывшей уридничей пашкой через плечо, ну, словом, настоящим «войском Тьера». Развѣ не головокружительно, лихо взявши на прицѣл, наповал убить какого-то коммунара и услышать из зрительнаго зала восхищенное восклицаніе «молодец Кирик». Преимущество комсомола обнаруживается тут с совершенной ясностью.

Впрочем, агитационныя пьесы, как описанная, хоть и принимаются публикой благосклонно за их обстановкаю, но предпочтеніе отдается болѣе понятным фарсам; на них-то, главным образом, и упражняется драматическій кружок комсомола.

Крестьянская масса относится к союзу молодежи ничуть не враждебно, охотно посѣщает его спектакли. Что комсомольцы будущіе коммунисты, об этом она как-то забывает, ибо ей скрытая, если и не ненависть, то все же глубокая вражда к коммунизму, несомнѣнна. Противопоставить единичным фигурам коммунистов противоположное политическое направленіе в деревнѣ, я бы не мог. Может быть, это просто объясняется тѣм, что оно обнаруживается гораздо труднѣй. Раза три мнѣ пришлось видѣть в избах царскіе портреты — не знаю, являются ли они показателями монархических чувств, вѣдь, иногда и самые богобоязненные крестьяне вѣшают у себя Троцкаго или Ленина — так просто, для украшенія. Если в чем выражается оппозиція, то это только в хозяй-

ственных вопросах и при этом оппозиціонно выступает наиболѣе хозяйственно-активная часть крестьянства.

Жажда устойчиваго порядка отношеній и невмѣшательства власти несомнѣнно обща всей крестьянской массѣ. В остальном эта масса пассивна. Требованія ея скромны: «лишь бы не было больших несчастій: войны да голода» — говорили мнѣ не раз.

Отмѣчу еще то, что видѣл в отдѣльных «ударных» областях.

Отношеніе к церкви. По моим наблюденіям оно внѣшне почти не измѣнилось; может быть, посѣщаемость церкви нѣсколько ослабла, нарушилась и строгость постов в результатѣ голодных лѣтъ, когда не приходилось выбирать из разных возможных продуктов. Антирелигіозная пропаганда здѣсь вряд ли сыграла какую-нибудь роль. Даже мѣстные коммунисты в этом отношеніи очень скромны, о религіозности своих сосѣдей отзываются снисходительно («конечно, несознательность, да вѣдь и то сказать, кому это мѣшает»), и сами совершают главные обряды: вѣнчаются и крестят дѣтей. Милиционеры, тѣ, конечно, рѣшительнѣе, но жалуются, что не находят аудиторіи для антирелигіозной пропаганды. «Станешь на улицѣ говорить — разойдутся, придешь в чужую избу — выгонят». Однако, церковь посѣщают по воскресеньям, главным образом, только бабы, а из мужиков только старики и только в большіе бытовые праздники, в особенности, престольные — идут все, и церковь, как я сам видѣл, едва вмѣщает всех собравшихся. При ближайшем знакомствѣ с населеніем обнаруживается, однако, что мужское поколѣніе военных призывов, долго побывши в арміи, равнодушиѣ других относится к церкви, что не дѣлает его, однако, болѣе доступным для агрессивной антирелигіозной пропаганды.

Тѣ же явленія наблюдаются и в старообрядческих волостях.

В области семейнаго быта, конечно, никакой революціи не произошло. Посѣщенный мною район, всегда отличался свободой семейных, в частности, брачных отношеній — сейчас ничто не измѣнилось. Что касается пьянства, то оно существует сейчас, в размѣрах, не знаю, больших ли, чѣм в мирное время, но, во всяком случаѣ, неизмѣримо больших, чѣм года 3—4 назад. Пьют почти исключительно самогон, а по праздникам и воскресеньям деревни бывают пьяны едва ли не поголовно, так что не найдешь трезваго человѣка. Новшеством послѣдних лѣтъ является участіе в пьянствѣ также и дѣвушек, чего прежде не бывало. Нужно сказать, что старое поколѣніе относится к этому без особаго осужденія. «Мы вот и не пили, — говорили мнѣ старухи, — а что хорошаго из нас

вышло?» Пусть эти хоть в дѣвках погуляют властью».

Второе новшество это то, что теперь не ходят за водкой в казенку, а гонка спирта прочно утвердилась за хозяйствами без работников-мужчин. Едва ли не все многодетныя вдовы промышленно этим. Для себя же к большим праздникам, каждое зажиточное хозяйство гонит самогон и варит брагу само.

Прибавлю еще, что по былым впечатлѣніям деревенская школа функционирует отменно плохо, и за послѣдніе годы процент грамотных уменьшается.

Избы - читальни, которыя лихорадочно возводились по приказу из центра 3—4 года тому назад, стоят заколоченныя. Впрочем, кое-кто из солдат военного времени заходит в волостной исполком, почитать газеты, в особенности интересовали переговоры с Англійей во время моего пребыванія.

Газетам, впрочем, не особенно довѣряют.

Я изложил свои впечатлѣнія, по возможности, объективно, не хочу приводить их в систему и строить выводы, чтобы невольно не погрѣшнить против объективности. Многое наблюденное меня огорчило, кое-что порадовало. Записал же я свои отрывочныя наблюденія потому, что они дали мнѣ кое-что неожиданное.

К. Долинин.

Советская деревня.

Мои собесѣдники — оба крестьяне. Оба «сидят на пашиѣ». Одного звали и раньше. Приходилось сталкиваться по работѣ. Другой мало знакомый. Оба грамотные... Оба граждане СССР...

Первоначальная настороженность уже прошла. Перевспоминали всѣх знакомых. Невеселые результаты: «одних уж нѣтъ, а тѣ далеко». «Рабоче-крестьянская власть» не постѣснялась на расправу с дѣйствительными рабочими и крестьянами: одних угнала «куда Макар телят не гонял», других просто пристрѣлила. Не пощадила ни жен, ни родных. Немногіе из уцѣлѣвших, главным образом, в деревнѣ, свернулись, ушли в себя, замкнулись: «временами своих родных боишься». Бесѣда по душам, на заваленкѣ, как то было раньше — роскошь не ко времени.

Годы гражданской войны выработали в русском крестьянинѣ свою особую психологию, и он живет по пословицѣ «каковы пѣсни, такова и пляска».

Пришли красные — шанки вверх, бѣлые — ура кричит. Иначе нельзя, попробуй угодить на власть, коли она мѣнялась в недавнем прошлом каждые 2—3 мѣсяца. А сейчас тоже; только мѣняется не власть, а ея агенты. Нарочно присылают каждый раз новых, чтобы не засидѣлись. Выборная власть в волости не существует давно, ее замѣнили назначенцы. Есть и что-то вродѣ красных земских начальников, не поймешь лишь, что они дѣлают, или хоть что должны дѣлать - то...

С похвалами не важно. Причин тому много. Первое, большіе налоги: пропорціональные и земель и урожая. Ну, и жмуется сѣять. А на-

логов и не перечешь. «Не успеешь задремать, ан налог уж требуют опять». Среди них имѣются и такіе: «тряпичный», «костяной». Предполагается, что каждый крестьянин ѣст мясо и должен дать власти 4 фунта костей. У нас острили: «падо-ж и советской власти что-нибудь жрать. Ишь какая скромная — косточками питается». Дальше, подвай 2 фунта тряпок. Понятно, что ни костей, ни тряпок не имѣется и их стоимость переводится на хлѣб и взимается хлѣбом или деньгами.

Нѣтъ скота. В нашей деревнѣ было 50 лошадей, теперь семь. У многих было по 2—3 коровы, теперь не у всѣх по одной. В деревнѣ N. было 35—40 лошадей, сейчас не найдешь и пяти. И так повсемѣстно. А нѣтъ скота, нѣтъ и «пазема». «Без удобренія, сам знаешь, какіе урожаи могут быть». Раньше бывало хоть «порошку» (искусственныя удобрения) купишь. И его не стало. Какая «кросшна» и найдется в губерніи*), не укупишься. Ну, и работа на землѣ не та стала — и не чѣм, и не зачѣм: выросло на себя, и слава Богу».

Продавать хлѣб?!... Нѣтъ, лучше сами сѣдим. Вѣдь излишков никогда не было. Всегда послѣ Рождества прикупали. Поишишь, смѣялись у нас на деревнѣ, когда мужик вез осенью хлѣб продавать:

«Не плачь, хлѣбушко, не плачь. Хоть в три дорога заплачу, а весной назад верочу». Довольно, что власть за налоги берет почти дарма. Вот цѣна: в самое голодное время (старого нѣтъ, а новый еще посеивает), на рынкѣ пуд ржи — 1 р. 10 к. Это тебѣ платят, а ты поди прикупишь к чему нужному по хозяйству. Шалишь, брат...

Отношеніе деревни к советской власти враждебное. Не любит она ее. Но не всегда нашего мужика поймешь, так как он сам себя часто не понимает. Чорт его знает, для чего иногда и похваливает «рабоче-крестьянскую» — «вот такая власть нам и любя».

Искать объясненія этому явленію надо в двух направленіях: кое-кто просто прикрывается, поддѣлываясь под требованія времени; другіе и впрямь согласны считать ее своею. Это деревенская голытьба.

Таких, однако, меньшинство. Большинство спит и видит какія-то перемены. Надеждами на чудеса и живем. Откуда ждуть?... Только не изнутри, пожалуй, и не извнѣ. Не поймешь толком... Разное говорят: по одним как-то Николай Николаевич должен появиться. Другіе твердят, что опять Керенскій с Временным Правительством придет. Имя Николая Николаевича всегда связывают с помѣщиком — «по старому и ничего бы, да опять барин придет». Про Временное Правительство и Керенскаго говорят коротко — «тогда будет хорошо». Попробуешь сказать, что-де ченуха, никто не придет, самим нужно. Векнутесь — надежды разбиваются.

Воевать?... Приведу разговор мужика, у котораго в деревнѣ три сына работают, с прѣхавшим комиссаром из города. Послѣдній заговорил о том, что на Западѣ не спокойно и может быть, придется опять воевать.

— Довольно повоевали: с нѣмцами, бѣлыми, эстонцами, латышами, поляками... Живыми всѣх трех в яму уложу, а в красную армию не пушу.

Воины деревня не хочет. Понятно, в красную армию силой возьмут и не трех. Но боль-

*) Губернскій город.

шой надежды на таких солдат возлагать нельзя. Опять пойдут зеленые.

Маемси. Ребит учить негдѣ. В Логазовской волости было тринадцать школ, а теперь четыре — в Выбугах, Палевѣ и еще двух. Пробовали старики сами учителей наймать. Нельзя, власть запрещает. И сама не только новых не открывает, но и все почти старыя закрыла. Фельдшерскіе пункты в нашем районѣ сохранились все старые. Горе, лѣкарств нѣту. Фельдшера на манер городских докторов: лѣчить им разрешено, но за все плати сам. А взять негдѣ. Называется это — хозяйственным расчетом.

Что грѣха таить, болѣзней у мужика много, а главная — расширение зрачков на чужую собственность. Не дает покоя части деревни знаменитая ленинская фраза — «грабь награбленное...» Раньше на помѣщика зарылись, теперь на односельчанина, кто побогаче. А какое там богатство. Просто, у кого больше, чѣм у меня.

Не все, понятно, такие. Но лакомых до чужого еще много. Вот и бродит деревни. Не устоялась. Кто «по-крестьянствовашій», тот и работал бы. Крѣпко работал бы. К труду есть охота и большая. Пугает нищета и гольтѣба, и власть с нею. Опять поход на «кулацкую» деревню, по нашему, на середняка, открыла. Аи охота к работѣ и отбита...

— Нужеп конец, ой, как нужен. Только когда и как...

П. Б.

„Бутырки“.

(Письмо из Москвы).

Когда приглядываешься к этому гигантскому муравейнику, копошащемуся за высокими кирпичными стенами, невольной мысль, нищущая сравнений, останавливается на представлении о колоссальном фильтре, тщательно отсеживающем весь тот посторонний элемент, который мешает кропотливым химикам из ГПУ добиться такого состава граждан СССР, который в абсолютном виде олицетворял бы формулу Н²О. И в упорном стремлении во что бы то ни стало добиться поставленной цели, в «химической лаборатории» на Лубянке и ее филиале — Бутырках — тщательно исследуются реактивы буквально на все существующие в СССР «химические элементы». Поэтому — то так разнородно население Бутырок.

Численно оно в настоящее время превышает 2 000 человек, в составных же частях оно в миниатюре представляет собою население СССР, имеющее здесь представителей всех слоев своего разнородного и разношерстного общества.

Касаясь национального состава, приходится отметить, что евреи, доминируя ныне на многих поприщах советской жизни, весьма ощутительно представлены и здесь, имея своих представителей из среды элпманов, директоров различных трестов и синдикатов, валютчиков и т. д.

Из других национальностей обильно представлены поляки (много и женщин), китайцы, кавказцы, несколько немцев. Интересно отметить, что большинство немцев — германские коммунисты, бежавшие (часто с невероятными трудностями) от преследования германских властей и рассчитывавшие найти в Москве под крылышком германской фракции Коминтерна мирный приют. Увы, им оказывает гостеприимство лишь Бутырская тюрьма, где на горьком опыте им приходится разочаровываться в столь прославленном некогда русском гостеприимстве.

Легкомыслие некоторых из этих немцев поразительно: так, например, один немец, бывший офицер, удивительно колоритный тип авантюриста, пробравшись нелегально через границу, желая импортировать ГПУ, выдавал себя за племянника Карла Либкнехта. Ожидавшийся этим легковерным немцем триумф в Москве, после упоминания имени своего дядюшки, сменился горестным раздумьем, вот уже в течении шести месяцев, что и родившимся племянникам не всегда широко живется в Москве. Вообще, — немцы будирующий элемент в тюрьме и недовольство их советским тюремным режимом объединяет тех из них, кто, казалось бы, не подлежал никакому и ни при каких обстоятельствах объединению: в тюремном дворе, на прогулке, можно видеть оживленно о чем-то толкующую пару — упитанный немецкий пастор и высохший от долгого сиденья в тюрьме немецкий коммунист, оба проклинают тот день и час, когда покинули свой фатерланд для этой холодной и жестокой Совдепии.

Англичане в Бутырках представлены лишь одним лицом, а французская нация, вообще отсутствующая в Москве, представлена лишь слабым полом, в лице изящной продавщицы из кондитерской.

Русские... На фоне многоликой толпы резко выделяются библейские бороды и черные подрясники православного духовенства. Вот грузная фигура митрополита Серафима Чичагова, рядом с ним на прогулке во дворе епископ Феодор, проживавший все время в Даниловском монастыре. Архиепископы Павел и Арсений Новгородский, еще несколько епископов и священники «им же честь числа». Двадцать человек — председателей церковных советов, арестованных одновременно. Бывшее офицерство и нынешние краскомы, представляют все роды оружия красной армии: тут и мелкие пискари, вроде курсантов и крупные осетры, вроде лиц с правами командующих армией. Сивки русской аристократии, фамилии коих, по понятным причинам, не может привести нищущий эти строки. Сотрудники ГПУ и МУР'а, изолированные от общей массы арестованных, в целях предотвращения нападения на них, что имело место неоднократно. Нет, кажется, ни одного треста, ни одного синдиката, который не имел бы здесь своих представителей, в некоторых случаях по несколько десятков человек, как, например, — Богородский трест, Коженидикат.

Но камерам этот столь разнородный элемент разбросан без подразделений на какие-либо категории: немецкий коммунист (прекрасно владеющий русским языком) лежит на койке рядом с престарелым священником и бывш. генералом, вожакем белого восстания на Кавказе; ученый богослов, бывш. ректор Московской академии, и рядом с ним «Гришка однопогий» — одна из центральных фигур бандитской шайки братьев Ткачей, насильственных женщин после убийства; турецкий журналист и сотрудник Наркоминдела; товарищ прокурора губсуда, играющий в шахматы с бандитом, ограбившим поезд и т. д. без конца.

Какая-то живая выставка уродливых гримас жизни, свет и тени. Бесконечный, чисто-русский, интеллигентский спор в одном углу камеры о философии Гегеля и Канта и бравадно несущаяся из другого угла отборная, цветистая, тоже чисто-русская, матерная брань.

* * *

Режим Бутырской тюрьмы, еще до марта этого года заставлявший мечтать сидевших во «внутренней тюрьме ГПУ» о переводе в «Бутырки», как о переходе в землю обетованную, с назначением новой тюремной администрации — Дукиса, начальником всех тюрем ГПУ и Адамсона комендантом Бутырской тюрьмы — неуклонно начал проводиться в сторону полного тождества с режимом «внутренней тюрьмы ГПУ». Подследственные лишены газет, переписка ограничена посылкой лишь двух писем в месяц, но получают они адресатами тогда, когда утрачивается абсолютно всякий смысл их получения, большинство же вовсе не доходит. Обращение высшей тюремной администрации надменно пренебрежительное и пригласительное со стороны ближайших к арестованным агентов — постовых, отделенных, но, увы, эта приязнь распространяется лишь к так называемой «шпане» (уголовному элементу). Но кто является действительно страдающей стороной — это ближайшие родственники заключенных. Эти несчастные выстраивают в очередях по 10 часов, чтобы передать корзинку со съестными припасами и еще больше теряют времени, чтобы получить свидание на 15 минут через две густые решетки, через коридор, где еле различаешь лицо собеседника.

С целью заставить администрацию обратить внимание на эти обстоятельства и ряд других явлений внутреннего распорядка, а, главным образом, добиться, чтобы было обращено внимание на удивительную медлительность в производстве следственных дел, заключенные Бутырок объявили 7-го апреля всеобщую голодовку.

Заключенные требовали приезда кого-либо из членов ВЦИК'а, чтобы изложить свои требования. Прошли сутки в томительном ожидании и когда стало ясным, что никто из членов ВЦИК'а не приедет, бутырские заключенные начали выть.

Особенно старались женщины и этот тысячеголовый вой диким эхом разносился по окрестности, рождая панику и ужас среди жителей. Через два часа на нескольких грузовиках прибыли вооруженные отряды войск ГПУ, занявшие все дворы тюрьмы и коридоры. Вой тем не менее не прекращался и лишь поздно вечером был прерван с тем, чтобы возобновиться рано утром. Но план этот был разрушен многочисленными переводами в тот же вечер в одиночные подземные карцеры, а также переводом всех заключенных на карцерное положение сроком на 3 дня: были отобраны постели, подушки, все продукты, книги, буквально все и в течение 3 дней выдавалось лишь по ½ фунта хлеба и все спали на холодном цементном полу. Женщины разделили ту же участь.

Всякие надежды на изменение положения, таким образом, разрушились, и многое изменилось даже к худшему. Голодному выступлению Бутырских заключенных, как оказалось, было придано большое значение и тюрьма была объявлена на осадном положении, что скорее всего явилось следствием предположения органов ГПУ, что между беспорядками в Бутырках и происшествием во внутренней тюрьме 5-го апреля была какая-то непосредственная связь. Дело в том, что два бывш. офицера «савинковцы», сидевшие несколько месяцев во внутренней тюрьме, напали вечером при выводе в уборную на двух постовых и, отобрав у них оружие, застрелили их, после чего всту-

пили в перестрелку с остальной охраной, но, так как пути к бегству были для них отрезаны, то, видя безвыходность своего положения, они последние пули в наганах пустили себе в лоб.

* * *

Санитарное состояние тюрьмы, во многом улучшилось, по сравнению, например, с 1922 годом, медицинская помощь, хотя и бедно, но обставлена всеми доступными средствами, а больницу даже хвалят, но вот пища не удовлетворяет даже минимума требований. Седобным являются только гречневая, пшенная каша и фасоль, что же касается щей, то количество лет пребывания на складах протухшей солонны дает о себе знать еще за несколько часов до того, как щи появляются на столах в камерах. Соблазнами для всех заключенных служит пища специально приготовляемая для эс-эров и меньшевиков, где в меню входит и рыба и овощи, и отнюдь не тухлая солонина.

Отсутствие какого-либо труда, вынужденное безделье в течение долгих месяцев ожидания решения своей участи, особенно тяготят заключенных, и в этом направлении не видно, чтобы что-либо предпринималось администрацией тюрьмы.

* * *

Что говорит, что думает тюрьма в этих тихо шепчущихся, обособленных кучках?

Прежде всего, нужно сказать, что она далеко не все говорит, что думает: причина та, что практикуемая ГПУ система «тюремных наседок», чрезмерно увеличиваемая болезненно-тревожным воображением заключенных, парализует уста.

Что говорит духовенство? Пишущий эти строки говорил с несколькими учеными богословами и большинство из них смотрит на происходящие события однообразно.

— «Мы ничуть не удивляемся происходящему: это плод того, что давно уже сеяла русская интеллигенция своим рационализмом. Вспомните мысли Достоевского из его «записной книжки» об истинной подкладке социализма и торжество иудейства и иудаизма, вспомните предсмертное, как бы откровение Соловьева о грядущей борьбе, которую встретит христианство на своем пути...»

Текущие дела церковной жизни большинству духовенства, томящемуся в тюрьмах, трудно решать объективно, когда за тюремной стеной находится без средств к существованию огромная, в большинстве случаев, семья и когда приходится идти на гнетущие компромиссы.

Что говорят хозяйственники, промышленники? Уже одно их пребывание в большом числе в Бутырках говорит за то, что на хозяйственном фронте далеко не все обстоит благополучно. Это, конечно, с одной стороны, ну, а с другой, довольно часто и ясно видно, что увлекшись выханаальной нэпа, хозяйственники решили во всю «гряхнуть старшину» и дорого расплачиваются за несвоевременный пыл.

Картину полной растерянности являют собою представители нэпа. В подавляющем большинстве случаев к ним широко применяется административная высылка в Соловки, Нарымский край и Урал; особенно пугают их Соловки, так как в Нарыме и на Урале они считают еще возможным устроиться. Здесь не только нэпманы Москвы, но и других городов;

так, например, из Ростова на Дону в апреле было выслано 450 человек напманов. Они находятся все время в недоумении, как это так могло случиться, что советская власть, допустившая нап, гонит их теперь в какие-то Соловки, предварительно все конфисковав и абсолютно больше в них не нуждаясь. Семьи их, в большинстве случаев, также выселяются из Москвы, с запрещением жить в шести крупных губерниях (на упрощенном советском языке это называется «высылка минус шесть»). Одно время практиковался хитроумный обход этого распоряжения: тогда же после ареста, предвидя высылку, жена разводилась со своим мужем, чтобы, таким образом, избежать высылки, сохранить квартиру и квартирное имущество, но специальным циркуляром по наркомюсту запрещено совершение подобных расторжений брака.

Пеструха смесь «одежд, лиц, племен, парней, состоящий» представляют собою жертвы столь популярной ныне в СССР ст. 114-ой Уголовного Кодекса: это — прием и дача взятки. Кого здесь только нет! Кто только не берет и кто только не дает теперь взятки и все считают это в порядке вещей, одни мотивируя «на жалованье не проживешь», другие «не подмажешь — не поедешь». Как живучи русские поговорки!

Прекрасно чувствует себя в тюрьме «шпана». Минимальность наказания, обезпеченная им Уголовным Кодексом, из рога изобилия сыплющиеся на их головы всякого рода амнистии, — все это заставляет их бодро смотреть вне-

ред и расширять в тюрьме свои познания в обществе старых «спецов», строя широкие планы на ближайшее будущее. Один немец-коммунист, просидевший год в Лейпцигской тюрьме, однажды рассказывал в камере о режиме немецкой тюрьмы. Его слушали все и особенно «шпана» с затаенным дыханьем. Иногда на их лицах блуждала улыбка недоверия к тому, чтобы об арестантах могли бы так серьезно, так продуманно до мелочей заботиться в тюрьме.

— Да, — глубокомысленно заметил один из них, — там станешь человеком, а здесь... стал вором и умереть должен вором — другого выхода нет.

* * *

Вот краткий очерк «сегодняшнего дня» Бутырской тюрьмы. Будет ли у нея новое «завтра» — придется сомневаться. Когда переступаешь последний порог ее железных ворот, с тревогой глядишь вперед, где снова ждет тебя суровая, жестокая борьба и с грустью думаешь о тех, кто временно или надолго схоронен за этими высокими стенами.

За недостатком места откладываются до следующего номера статьи и замѣтки по отдѣлам «Из жизни деревни» (по советским данным), и информация о дѣятельности групп «Крестьянской России».

Редакция.

Адрес редакции «Вѣстника Крестьянской России»: Karoliny Světle 16, Praha I, Tchécoslovaquie.

Цѣна номера: 3 кор. чешских.
40 пфенигов.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ

Сборники под редакцией А. А. Аргунова, А. Л. Бема, С. С. Маслова

Издание посвящено разработкѣ вопросов, выдвигающихся перед демократической Россией и, в особенности, перед будущим строителем ея — трудовым крестьянством.

Вышел и имѣется в продажѣ № 8—9

Содержание: А. Кизветтер. К истории крест. движений в России, П. Милюков. Поствоенная Европа и Лондонская конференция, Сергѣй Маслов. К земельному вопросу в России, А. Омелянов. Боязнь «музыка», А. Боголюбов. Дѣятельность земства. Отд. «Аграр. реформы»: А. Челинцев. Зем. реформа в Ч. С. Р., В. Португалов. Аграр. реформа в Польшѣ, Христиан. Аграрная реформа в Литвѣ. Отд. «В России»: А. Марков. О голодѣ в Сов. России, Н. Тимашев. Крестьянство и Совѣты, Н. Жекулин. Денежная реформа в России, Н. Малолѣтченков. Кооперация в Сов. России, Н. Тимашев. Состав С. С. Р. Отд. «Из печати и жизни»: С. Кон. К обезпеченію сел. хоз. продуктов, К. фон Дитце. Положеніе крестьянства в Германіи, В. Каратаев. Крест. хозяйство в Швейцаріи, Н. Быстров. Сельскія проблемы в Америкѣ. Отд. «Отзывы о книгах».

Адрес редакціи сборников: Karoliny Světle 16, Praha I; главн. склад: кн. маг. „Пламя“, Яска 32, Praha II

СВОБОДНАЯ РОССИЯ РЕСПУБЛИКАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ ОРГАН

Вышел № 5

Содержание: Печальная годовщина (передовая), Е. Кускова. Обломки прошлого, С. Загорскій. Рабочій вопрос в Сов. России, А. Байкалов. Комму. партія Великобританіи, Н. Демидов. Русская прав. церковь. Отд. «Иностр. обозрѣніе». Отд. «Из России». Отд. «Хроника признанія сов. власти».

Цѣна отд. номера: 8 кор. чешских, 1 герм. марка. Продажа во всѣх русск. кн. маг. за границей.

Библиотека изд.-а „Свободная Россия“

Вышли и имѣются в продажѣ брошюры: 1) Ст. Иванович. Росс. комму. партія и 2) А. Марков. Совѣтскій бюджет и народ. хозяйство.

Цѣна брошюры: 8 кор. чешских, 1 герм. марка.

Адрес редакціи: 1. Karoliny Světle 16, Praha I. 2. „Les Dernières Nouvelles“, 26 rue Buffault, Paris